

Г. И. ЧУЛКОВ

Император Павел I

I

В комнате было душно, жарко и пахло пряными духами и еще чем-то — должно быть, распаренным человеческим телом. Шторы были спущены; мерцал ночник, и, хотя был день, с трудом можно было различить в полумраке согбенные фигуры женщин в огромных кринолинах; старухи, темные и недвижные, были похожи на больших сонных птиц, которые расположились на вечерний покой. Нахохлившись, они сидели вокруг пышной колыбели, где были навалены какие-то покровы и ткани. Тут был лисий чернобурый мех, стеганое на вате атласное одеяло, бархатное одеяло, еще какое-то одеяло, и под этой грудой задыхался на перинах крепко и плотно спеленутый младенец.

Когда молодую великую княгиню, бывшую ангальт-цербстскую принцессу, Софию-Августу-Фридерiku, именовавшуюся теперь Екатериной, ввели в эту комнату, она едва не лишилась чувств от спертости воздуха и сладкого дурмана духов. Ей дали восковую свечу, и когда княгиня решила поднять кисею колыбели, она увидела крошечное розовое личико с двумя темными и мрачными глазами, совсем не по-младенчески глянувшими на нее. Нос у младенца был смешной, как пуговица.

Это жалкое крошечное существо был будущий «самодержец всероссийский, князь эстляндский, лифляндский, курляндский, повелитель и государь царей грузинских, наследник норвежский, герцог шлезвиг-голлштинский и ольденбургский, великий магистр Державного ордена святого Иоанна Иерусалимского и прочая и прочая».

С первых дней своего существования этому самодержцу пришлось испытать невыносимую духоту царской спальни. Императрица Елизавета, фрейлины и мамушки душили ребенка пеленками и одеялами, как будто желая приуготовить его к тому шарфу, который затащили ему на шею пьяные гвардейцы 11 марта 1801 года.

Кто был этот младенец? Чей был он сын? До сих пор никто этого не знает. Сам он был убежден, что Петр III, бывший герцог голштейн-готторпский, злополучный император, год кривлявшийся на русском троне и потом задушенный одним из деятелей 1762 года, был действительно его отцом. Другие сомневались в этом, предполагая, что отцом Павла был Салтыков, любовник Екатерины. Иные уверяли, что от красивого Салтыкова не мог родиться курносый мальчик и что Екатерина родила мертвого ребенка, которого заменили новорожденным чухонцем из деревни Котлы, расположенной недалеко от Ораниенбаума.

Жизнь Павла оказалась не менее загадочной и фантастичной, чем его происхождение.

Та, которую он считал впоследствии своей матерью, редко появлялась у его колыбели. Зато императрица Елизавета навещала младенца раза два в сутки, иногда вставала с постели ночью и приходила посмотреть будущего императора. Подрастая, он привык к женщинам — к фрейлинам, к нянькам — и боялся мужчин. В 1760 году, когда Павлу не было и шести лет, Елизавета Петровна назначила камергера Никиту Ивановича Панина обер-гофмойстером при Павле. Панину было тогда сорок два года. Он почему-то казался маленькому цесаревичу угрюмым и страшным стариком. Его парик и голубой кафтан с желтыми бархатными обшлагами внушали ребенку непонятное отвращение. Он встретил своего воспитателя слезами, полагая, что теперь у него отнимут мамушек и все «веселости». Впрочем, он скоро должен был получить новые впечатления, которые заинтересовали его не менее, чем игры с няньками. Он присутствовал на спектакле, где французские актеры декламировали пышные монологи и где юные девицы танцевали прелестно, восхищая зрителей. Когда ему минуло шесть лет, иностранные посланники представлялись ему торжественно. Это было немного страшно, но он уже чувствовал, что его судьба необычайна, что он предназначен быть повелителем. Но будущему императору надо было учиться. Грамоте его стали учить уже в 1758 году, и тогда же надели на него модный кафтанчик и парик, который одна из нянь заботливо окропила святой водой.

Странный страх всегда сопутствовал Павлу с младенческих лет. Ему постоянно мерещилась какая-то опасность. Хлопнет где-нибудь дверь — он лезет под стол, дрожа; войдет неожиданно Панин — надо спрятаться в угол; за обедом то и дело слезы, потому что дежурные кавалеры не очень-то с ним нежны, а мамушек и нянюшек нет: их удалили, ибо они рассказывают сказки, поют старинные песни и вообще суеверны, а цесаревич должен воспитываться разумно. Ведь то был век Вольтера и Фридриха Великого. Тогда еще Павел не увлекался коронованным прусским, вольнодумцем, и ему были милы сказки про бабу-ягу. Впрочем, это не мешало мальчику обнаруживать способности к наукам и остроумие. Однажды после урока истории, когда преподаватель перечислил до тридцати дурных государей, Павел крепко задумался. В это время от императрицы принесли пять арбузов. Из них только один оказался хорошим. Тогда цесаревич сказал: «Вот из пяти арбузов хоть один оказался хорошим, а из тридцати государей ни одного!»

Императрица Елизавета умерла в 1761 году, когда Павлу было семь лет. Петр Федорович по своему легкомыслию не мог заняться воспитанием маленького Павла. Впрочем, однажды голштинские родственники принудили его посетить какой-то урок цесаревича. Уходя, он сказал громко: «Я вижу, этот плутишка знает предметы лучше нас». В знак своего благоволения он тут же пожаловал Павла званием капрала гвардии.

То, что случилось летом 1762 года, осталось в памяти Павла на всю жизнь. 28 июня, утром, когда Павел не успел еще сделать свой туалет, в его апартаменты в Летнем дворце в Петербурге вошел взволнованный Никита Иванович Панин и приказал дежурному камер-лакею одеть цесаревича поскорее. Впопыхах напялили на него первый попавшийся под руки камзол и потащили в коляску, запряженную парой. Лошади помчали Панина и его воспитанника к Зимнему дворцу. Маленький Павел дрожал, как в лихорадке, и, пожалуй, на этот раз для его испуга были немалые причины. В эту ночь Екатерина была провозглашена императрицей. Павла вывели на балкон и показали народу. На площади толпились простолюдины, купцы и дворяне. Проходившие гвардейцы, расстраивая ряды, буйно кричали ура. Эти крики пугали мальчика, и он почему-то думал о том, которого считал своим отцом. В Зимнем дворце был беспорядок. Придворные и офицеры толпились в шляпах, и Павлу слышалось, что кто-то говорит «наш кривляка», «наш дурачок», и какой-то камергер, заметив Павла, дернул болтуна за рукав. О ком они говорили? О каком кривляке? О каком дурачке?

Впоследствии Павел все узнал. Он узнал, как Екатерина совершила свой победный поход во главе гвардии в Петергоф и как ее растерявшийся супруг, отрекшийся от престола, был отвезен в Ропшу. Он нашел также в бумагах Екатерины после ее смерти письмо Алексея Орлова: «Матушка, пощади и помилуй, дурак наш вздумал драться, мы его порешили» ...

Но Павел не считал дураком Петра Федоровича и даже любил его. Этот человек не успел еще обидеть чем-нибудь мальчика. А Никита Иванович Панин, к которому Павел скоро привык, внушал ему искусно некоторые странные и беспокойные мысли об императрице. Нашлись и другие, которые растолковали мальчику, что после смерти Петра III надлежало императором быть ему, Павлу, а супруга удушенного государя могла быть лишь регентшей и правительницей до его, Павла, совершеннолетия. Павел это очень запомнил. Тридцать четыре года думал он об этом дни и ночи, тая в сердце мучительный страх перед той ангальт-цербстской принцессой, которая завладела российским престолом, вовсе не сомневаясь в своем праве самодержавно управлять многомиллионным народом.

Итак, надо было воспитывать наследника. Екатерина решила действовать энергично. Поклонница западной цивилизации, она решила пригласить воспитателем Даламбера. Но из этого ничего не вышло. Он отверг предложение императрицы, как отверг приглашение Фридриха Великого, который предлагал ему свое гостеприимство. Знаменитый энциклопедист, намекая на «геморроидальные колики», от которых по официальной версии умер Петр III, писал Вольтеру: «Я очень подвержен геморрою, а он слишком опасен в этой стране», т. е. в России.

Пришлось ограничиться российскими воспитателями. Среди них был, между прочим, известный своими «Записками» Семен Андреевич Порошин, человек весьма честный и образованный. Кроме того, учили цесаревича Эпинус и Остервальд. Павел изучал историю, географию, математику, русский язык, немецкий, французский. Знал немного по-латыни. Позднее других приглашен был в качестве преподавателя архимандрит Платон, впоследствии митрополит. Прежде чем назначить этого монаха учителем, его пригласили на обед ко двору, и сама императрица с ним беседовала, желая убедиться в том, что будущий воспитатель цесаревича не суеверен. Ученица Вольтера, как известно, больше всего опасалась суеверий. По-видимому, Платон с честью выдержал экзамен и был допущен как доверенное лицо к наследнику престола. Но положе-

ние его было трудное. Князь Щербатов, автор известного сочинения «О повреждениях нравов», писал, между прочим, что Екатерина «закон христианский (хотя довольно набожной быть притворяется) ни за что почитает...». «И можно сказать, — поясняет Щербатов, — что в царствование ее и сия нерушимая подпора совести и добродетели разрушена стала...» Такого же мнения о Екатерине был и вольнодумец Фридрих прусский, который был уверен, что она, притворяясь благочестивой, в сущности вовсе не религиозна. Впрочем, строгий монах, храня веру, удивлял, однако, своим красноречием и ученостью даже скептиков. Его книги известны были в Европе. Сам Вольтер лестно отзывался о стиле его проповедей. У несчастного Павла не было недостатка в разнообразных воспитателях. Известная пословица «У семи нянек дитя без глаза» лучше всего определяла его судьбу. В самом деле, кто окружал Павла? Образованный, но ленивый и не всегда искренний Панин; екатерининские вельможи, подражавшие виконтам и маркизам Людовика XVI; голштинские и прусские выходцы, застрявшие в России после бесславной гибели их царственного покровителя, — все эти люди не очень стеснялись в присутствии малолетнего наследника, и на обедах, которые ежедневно устраивал Панин, Павел слышал подчас разговоры, весьма двусмысленные, смущавшие его детский ум. Те, которые не утратили еще аппетита к жизненным уладам, говорили за стаканом вина о сердечных причудах, и скоро подраставший Павел стал интересоваться любовными темами, которые в ту эпоху назывались «маханием». За обедами велись также и политические разговоры, причем мальчик догадывался, что не все были довольны политикой Екатерины. Приходилось ему нередко слышать и цитаты из «Девственницы» Вольтера, которые комментировались придворными вольнодумцами так, что мальчик невольно сопоставлял их, недоумевая, со строгими поучениями своего воспитателя Платона. О быте дворца и личности отрока Павла можно составить себе представление по дневнику его учителя Порошина. Дневник начинается как раз с 20 сентября 1764 года, дня рождения цесаревича. Ему исполнилось тогда десять лет. Архимандрит Платон произнес после обедни в назидание мальчику проповедь на тему «В терпении стяжите души ваша». Были официальные поздравления. Потом «его высочество с танцовщиком Гранжэ менуэта три протанцевать изволил». Вечером был бал и ужин. Вот обстановка, в которой складывался характер цесаревича. Десятилетним мальчуганом ему уже приходилось выступать на торжествах и танцевать на балах не только с Гранжэ,

но и с фрейлинами императрицы. Это не мешает ему иногда капризничать и даже плакать, как ребенку, и Панину приходилось «гораздо журить» воспитанника. Порошин заметил в мальчике непостоянство его симпатии. У него, оказывается, «наичеловеколюбивейшее сердце», и он вдруг «влюбляется почти в человека, который ему понравится», но так же быстро он склонен разочароваться в своем увлечении. Вся тогдашняя дворцовая повседневность проходит перед нами, и мы видим маленького Павла то за уроком физики, то на балете «Наказанная кокетка», то на приеме иностранных дипломатов... В учении — особенно в математике — он делает успехи, несмотря на рассеянность, и Порошин замечает по этому поводу: «Если бы его высочество человек был партикулярный и мог совсем предаться одному только математическому учению, то бы по остроте своей весьма удобно быть мог нашим российским Паскалем».

Павел много и внимательно читает. Если иногда его суждения бывают опрометчивы, как это случилось однажды в его разговоре о Ломоносове, он всегда готов признать свою ошибку. Он, конечно, знает не только Сумарокова, Ломоносова, Державина и прочих российских пиитов, но и западных писателей. Театр Расина, Корнеля. Мольера ему хорошо известен. Он твердит наизусть монологи из «Федры», «Атали»¹ и классических французских комедий. Он знает Вольтера. Он имеет понятие о Руссо. Он жадно читает странную и увлекательную книгу великого испанца о том изумительном рыцаре, который был так великодушен, добр, умен, храбр, благороден и так... смешон. Маленькому Павлу хочется покинуть дворец, где за ним бродят, как тени, придворные лакеи; где умный, но слишком озабоченный, самолюбивый и суетный Панин распоряжается его судьбой, как опекун; где так неуютно и жутко. Ему хочется, как этому чудаку Дон-Кихоту, уехать куда-нибудь в поисках прекрасной Дульцинеи, не боясь насмешек. За торжественными обедами, особенно когда присутствует императрица, у Павла начинается необъяснимая тоска, и он плачет, смущая иностранных дипломатов и вызывая гнев Екатерины и раздражение Никиты Ивановича. А тут, как нарочно, эти придворные обеды тянутся непонятно долго. Ему, Павлу, всегда хочется как можно скорее покончить одно дело, чтобы взяться за другое. Ему кажется почему-то, что надо спешить, что ему предстоит сделать что-то важное и что надо торопить дни: как можно раньше ложиться спать и вставать на рассвете. Если ужин затягивается на четверть часа, Павел горько жалуется, а встает так рано, что заспанные камерди-

неры, зевая, с трудом натягивают ему чулки и спросонья то и дело роняют подсвечники, бьют посуду, вызывая упреки цесаревича в нерадении. Почему Павел так торопится жить? Не потому ли, что жизнь страшна, особенно здесь, во дворце, где разговаривают часто о страшном? То Никита Иванович расскажет о казни Волынского при императрице Анне Иоанновне, и от этого рассказа о пытках и муках на голове шевелятся волосы; то подслушает цесаревич ужасную повесть об императоре-отроке Иоанне Антоновиче, которого веселая императрица Елизавета с младенчества держала в тайных казематах крепости; то Порошин разболтает что-нибудь о деле подпоручика Мировича, который пытался освободить этого таинственного узника в 1764 году, но, ворвавшись в тюрьму, нашел там бездыханное тело и сам за дерзость свою поплатился головой по повелению императрицы Екатерины... Что такое Тайная Канцелярия? Что это такое «слово и дело»? «Не входя в подробности, — рассказывает Порошин, — доносил я его высочеству, сколько честных людей прежде сего от Тайной Канцелярии² пострадало, и какие в делах от того остановки были. Сие выслушав, изволил великий князь спрашивать: где же теперь эта Тайная Канцелярия? И как я отвечивал, что отменена, то паки спросить изволил, давно ли и кем отменена она? Я доносил, что отменена государем Петром III³. На сие изволил сказать мне: так поэтому покойный государь очень хорошее дело сделал, что отменил ее?» Эти сообщения неосторожного Порошина наводили маленького Павла на мысли, которые едва ли приятны были императрице.

Во дворце говорили, впрочем, не только о страшном. Любили говорить о смешном. Но и смешное почему-то пугало сердце, и нельзя было понять, откуда этот ужас и этот смех. «Его превосходительство Никита Иванович изволил сказывать о смешных и нелепых обещаниях, какие он Мирович делал святым угодникам, если намерение его кончится удачно. При сем рассказывал его превосходительство о казни одного французского аббата в Париже. Как палач взвел его на виселицу и, наложив петлю, толкнул с лестницы, то он аббат держался за лестницу ногой, не хотелось повиснуть. Палач толкнул его в другой раз покрепче, сказав: сходите же, господин аббат, не будьте же ребенком. Сему весьма много смеялись». Но Павел не смеялся и ночью кричал во сне: ему представлялись широко раскрытые глаза этого аббата и губы, белые, как бумага.

Разговоры о казнях, муках, пытках сменялись разговорами о любви, о веселостях, о «махании». Павел доверчиво рассказывает Порошину свои сердечные истории. То ему нравится одна фрейли-

на, то другая. Он сочиняет даже стихи, при помощи, быть может, Порошина, в честь одной прелестницы.

Я смысл и остроту всему предпочитаю,
На свете прелестей нет больше для меня.
Тебя, любезная, за то я обожаю,
Что блещешь, остроту с красой соединя.

Когда Екатерина, взяв с собою Павла, навестила однажды монастырь, где воспитывались благородные девицы, ей вздумалось мило пошутить. Она спросила Павла, не хочет ли он жить с этими девушками. Его высочество изволил ответить, что нет... Однако женское общество ему, по-видимому, нравилось более мужского, и он охотно занимается «маханием», хотя ему еще нет двенадцати лет.

Все способствовало пробуждению в Павле чувственности, и удивительно, что в нем сохранились некоторые стыдливость и целомудрие, несмотря на все эти любовные соблазны. Впрочем, его воспитатель предсказывал прозорливо, что «он не будет со временем ленивым или непослушным в странах питерских».

Сам Панин подавал пример нравственной слабости, особенно когда ему вскружила голову графиня Строганова, про которую муж говорил, что она обладает приятностями, кои другим раздаются, а ему из них ничего не достается.

«Шутя говорили, — пишет в своих записках Порошин, — что пришло время государю великому князю жениться. Краснел он, от стыдливости из угла в угол изволил бегать; наконец изволил сказать: “Как я женюсь, то жену свою очень любить стану и ревнив буду. Рог мне иметь крайне не хочется. Да то беда, что я очень резв, намедни слышал я, что таких рог не видит и не чувствует тот, кто их носит”. — Смеялись много о сей его заботливости».

Атмосфера екатерининского двора была томная и душная. Изнеженные, избалованные и беспечные царедворцы, усвоившие охотно легкомысленную философию парижских салонов, и здесь, в Зимнем дворце, продолжали вести рассеянную и чувственную жизнь, не стыдясь своего ребяческого разврата.

Григорий Орлов, фаворит Екатерины, предложил однажды Павлу нанести визит фрейлинам. Императрица охотно допустила эту вольность. И Павел переходил из комнаты в комнату, восхищаясь девицами. После этих приятных визитов он «вошел в нежные мысли и в томном услаждении на канаве повалился». Потом он делился с Порошиным своими чувствами к некой его «любезной»,

которая «час от часу более его пленяет». В этот вечер он искал во французском энциклопедическом словаре слово «любовь».

Наконец имя его возлюбленной стало всем известно. Это была Вера Николаевна Чеглокова, круглая сирота, которую воспитала Екатерина и сделала своей фрейлиной. Когда Павлу пришлось ехать в карете с императрицей и против него сидела его любезная, он искал ее глаза и, встретив благосклонный взор, был безмерно счастлив. Через несколько дней ему удалось танцевать с ней на придворном маскараде, и Порошин заметил, как его воспитанник пожимал нежно маленькую ручку. Через три дня у великого князя был припадок ужасной ревности. В самом деле, на куртаге не было его возлюбленной, у которой будто бы заболела губка. Но в это же время на куртаге не было молодого князя Куракина. Из этого Павел сделал надлежащие выводы. Ревность, однако, скоро угасла, потому что губка у милой прошла, и она опять встретилась с Павлом на маскараде. Танцуя в польском шен⁴, он успел ей сказать: «Если бы пристойно было, то я поцеловал бы вашу ручку». Тогда она, потупя глаза, сказала, что «это было бы уж слишком». Были, однако, и новые приступы страстной ревности. Павлу показалось, что его возлюбленная нежно смотрит на камер-пажа Девиера. По этому поводу у влюбленных были серьезные объяснения.

II

Павел подрастал. Он уже не заползает теперь под стол от страха, не пугается нищих, как это с ним случилось однажды в детстве, когда он из окна дворца увидел человека в лохмотьях, в котором, быть может, его государево сердце смутно прозрело грядущего санкюлота — грядущее возмездие обитателям дворцов. Павел умеет теперь скрывать свой страх, который отравлял его душу с младенческих лет. Но и теперь ему кажется, что во дворце не все благополучно. Он окружен попечением. К его услугам десятки лакеев; с ним всегда воспитатели и лекторы; за обедом присутствует опекающий его Никита Иванович; но скучно, неуютно и одиноко в его покоях. В чем дело? Не в том ли, что у цесаревича нет матери? В самом деле, разве эта полная, моложавая сорокапятилетняя женщина, окруженная фаворитами и весело управляющая государством, как своей вотчиной, похожа на родную мать Павла? Разве она не равнодушна к нему? Разве нашелся у нее досуг, чтобы заглянуть в его душу? Разве она знает, чем теперь занят этот странный мальчик, взволнованный и своенравный? Она не видит

даже, как ревниво и гневно наблюдает иногда на куртаге за своей улыбающейся матерью этот отрок, не забывающий страшной июньской ночи 1762 года. Призрак задушенного Петра III стоит перед глазами маленького Павла. Он никому не говорит об этом своем воспоминании, но ему иногда хочется спросить кого-то: «Зачем, собственно, он живет здесь во дворце, в сущности никому не нужный и чужой? А что если те самые люди, которые убили его отца, готовят и ему такой же конец? Ну, если не те, то подобные, кажется, режут так же просто. Об убитых государях читывал кое-что цесаревич в книгах, которые приносил ему неосторожный Семен Андреевич Порошин. Его теперь удалили неожиданно от Павла. И мальчику жаль добрейшего Семена Андреевича. К нему иногда можно было забраться на диван и рассказать откровенно о своих думах и сердечных тайнах — обо всех, за исключением одной. Об этой единственной тайне нельзя было говорить ни с кем, даже с Порошиным. А между тем эта ужасная тайна, эта постоянная мысль об убитом отце, мучает и терзает Павла. Кто эти люди вокруг него? Не убийцы ли? Вчера подали суп совсем сладкий. Не отравили? Павел не стал есть супа. А Никита Иванович гневался и вывел цесаревича из-за стола. Иногда на цесаревича нападает тоска. Тогда он кривляется и «все головою вниз мотает», точь-в-точь как покойный Петр Федорович. Но такие странные припадки у мальчика бывают редко. Обычно он умеет скрывать свои чувства. Он почтителен к матери и любезен с окружающими его. Однако многие замечают, что между матерью и сыном создались отношения не совсем понятные. Это заметили даже иностранные послы и писали об этом донесения своим государям.

Маленький Павел страшится надменных любимцев императрицы. Они ужасно высокомерны. А когда кто-нибудь из них вдруг станет с ним ласков, как одно время с ним был ласков Григорий Орлов, то это внимание, пожалуй, мучительнее, чем прямая грубость. Этот любовник царицы был особенно внимателен к Павлу как раз в то время, когда у Екатерины родился от него сын, впоследствии граф Бобринский. Этого нельзя было утаить от Павла, рано узнавшего альковные тайны⁵ коронованной любострастницы. Сентиментальный и целомудренный мальчик уже стыдился своей развратной матери.

Петр III до конца своих дней оставался ребенком. Это не нравилось его супруге. Павел, напротив, рано созрел и порою казался даже маленьким старичком. И это не нравилось государыне. Петр III был слишком беспечен и все шутил — даже у гроба Елизаветы.

Павел, с другими приветливый, смотрел на свою мать странными, требовательными и недоверчивыми глазами, а придрататься к нему было трудно, ибо он был почтителен и вежлив, и Екатерина не знала, как с ним быть.

Когда Павлу исполнилось четырнадцать лет, решено было учить его государственным наукам. Порошина теперь не было. Главным преподавателем сделался Остервальд. Кроме того, Павлу читали курсы Николаи, Лафермьер и Левек — все иностранцы, и с ними Павел не очень ладил. Порошин умел удерживать своего воспитанника от увлечения военным делом, а немцы сами преклонялись перед традициями прусской системы, и Павел заразился той же страстью, как и Петр III. Теперь экзерцирмейстерство и парады стали на первом плане. Екатерина называла это военным дурачеством.

Впрочем, еще при Порошине приходилось Павлу участвовать в военных упражнениях — например, на маневрах под Красным Селом в 1765 году. Мальчуган в это время числился командиром кирасирского полка. Он был в восторге, что на нем кираса, а в руках настоящий палаш. Но тогда все еще было невинно. Павел «на месте баталии, верхом сидя, покушал кренделя» и мирно поехал домой спать в сопровождении своего миролюбивого воспитателя. Теперь четырнадцатилетний Павел чересчур озабочен вопросами военной дисциплины. При Порошине он только мечтал о разных баталиях, воображал себя дюком де-Сен-Клу и располагал армию в Иль-де-Франсе. Все эти мечтания носили фантастический характер и отчасти рыцарский. Случайно пришлось ему прочесть Вертотову «Историю об ордене Мальтийских кавалеров»⁶. Это было как масло в огонь. Мальчишка вообразил себя рыцарем. К несчастью, к четырнадцати годам мечты были уже приурочены к тогдашней действительности, и у Павла явилось пристрастие не к героизму и рыцарству, а к прозаическим и жестоким порядкам прусской солдатчины.

Этому способствовали и политические обстоятельства. В 1768 году наши армии были брошены на юг для войны с Оттоманской портой⁷. Началась Польская кампания, которая закончилась, как известно, разделом Польши. Цесаревичу приносили карты и реляции⁸ генералов. Он живо интересовался военными делами. Нашлись и советчики, которые критиковали насмешливо политические планы коронованной женщины. Ему внушали, что он, Павел, как мужчина и государь, мог бы лучше руководить иностранной политикой и военными операциями.

В то время, когда Екатерина и ее фавориты удивляли Европу своею роскошью, превосходным знанием французского языка и умением наслаждаться прелестями счастливой Цитеры⁹, народ задыхался в тисках крепостного права, рекрутчины и произвола судейских. Павлу пришлось и об этом подумать, особенно когда в Москве появилась моровая язва, а потом начался бунт. Павлу казалось, что эти веселящиеся вельможи готовят ему плохое наследство. Ему в это время было шестнадцать лет.

Царедворцы были тесно связаны с дворянством и с гвардией. Екатерина получила корону с их помощью. Всю жизнь, с первых лет царствования, императрица сознавала свою зависимость от этих привилегированных кругов. Но Павлу были ненавистны избалованные аристократы и распущенные гвардейцы. Они все представлялись ему цареубийцами. Он привык уже критиковать политику Екатерины. Эта политика ему казалась лицемерной. В самом деле, не она ли, императрица, созвала депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового уложения»?¹⁰ Не она ли сочинила для них «Наказ», где излагала с присущей ей самоуверенностью идеи Монтескье и Беккариа? Не она ли мечтала об общем благе и справедливости? Но разве ее поступки соответствовали тем идеям, которые она исповедовала в письмах к Вольтеру? Никогда еще дворянство не использовалось такими преимуществами, как теперь. Екатерина как будто платила за те услуги, которыми она воспользовалась в 1762 году. И Павел возненавидел дворян. Нет, он будет не на словах, а на деле заботиться об общем благе. Никаких привилегий! Он — законный претендент на престол. Ему не надо ничьих услуг. И ему не придется оплачивать этих титулованных холопов.

Его отец, Петр III, едва ли уже был так неразумен и плох, как об этом рассказывают фавориты Екатерины. Недаром где-то на Урале воскрес его призрак. Говорят, какой-то смельчак назвал себя императором Петром и двинулся на запад, вербуя своих сторонников и громя дворянские усадьбы. Со странным чувством следил Павел за восстанием Пугачева. Военные отряды, посланные царицей, разбиты и бежали. Крестьяне и казаки идут все дальше и дальше, занимая Поволжье, угрожая отрезать от столицы огромные пространства. О, конечно, это идет вор и разбойник. Но нет ли в этом страшном мятеже справедливого возмездия за убийство «законного» царя, за это окончательное закрепощение народа, за эту безумную расточительность развратных фаворитов?

В это время Никита Иванович Панин, ревностный масон¹¹, давал читать Павлу таинственные рукописные сочинения, где

доказывалось, что император должен блюсти благо народа, как некий духовный вождь. Император должен быть посвященным. Он помазанник. Не церковь должна руководить им, а он церковь. Эти безумные идеи смешались в несчастной голове Павла с той детской верой в промысл божий, которую он усвоил с младенческих лет от царицы Елизаветы, мамушек и нянек, которые лелеяли его когда-то. И вот Павел стал мечтать об истинном самодержавии, которое осчастливит весь народ. Поскорее бы только осуществить свое право!

Нашлись, конечно, люди, которые внушали Павлу, что его час настал. 20 сентября 1772 года был день его совершеннолетия. Многие были уверены, что Екатерина привлечет к управлению страной законного наследника. Но этого, разумеется, не случилось. Павлу пришлось запастись терпением. Он даже признался матери, что дипломат Сальдерн соблазнял его немедленно настаивать на его, цесаревича, правах. Гнев Екатерины был велик. А Павел писал в это время покаянные письма своему коварному любимцу, графу Андрею Разумовскому. У Екатерины были свои агенты, которые зорко следили за Павлом, и она прекрасно знала, какой романтический бред о самодержавии владел головой наследника. Трезвая царица решила отвлечь Павла от этих, по ее мнению, сумасбродных идей. Молодого человека надо было женить. Выбор Екатерины остановился на Вильгельмине, дочери ландграфини Гессен-Дармштадтской. Этому сватовству предшествовали весьма сложные придворные интриги и дипломатическая игра. В конце концов ландграфиня с Вильгельминой и ее сестрами согласились приехать в Петербург.

Ассебург в письме к графу Панину из Дармштадта дал характеристику невесты Павла: «Принцесса Вильгельмина до сих пор еще смущает каждого... заученным и повелительным выражением лица, которое редко ее покидает...», «Удовольствия, танцы, парады, общество подруг, игры, наконец все, что обыкновенно возбуждает живость страстей, не затрагивает ее... Среди всех этих удовольствий принцесса остается сосредоточенной в самой себе...», «Нет ли сокровенных страстей, которые овладели ее рассудком? Тысячу раз ставил я себе этот вопрос и всегда сознавался, что они недостижимы для моего глаза...», «Насколько я знаю принцессу Вильгельмину, сердце у нее гордое, нервное, холодное, быть может, несколько легкомысленное в своих решениях...».

Павла вовсе не посвящали в предварительные переговоры по делу о его браке. В Любек была отправлена особая эскадра, которая

должна была привезти в нашу столицу гессен-дармштадтское семейство. Одним из фрегатов командовал граф Разумовский¹². Он был всего только на два года старше Павла, но уже успел приобрести немалую опытность. Он учился сначала в Петербурге у Шлецера, потом в Страсбургском университете, а военное свое образование завершил службой в английском флоте. Вернувшись из Англии, он внушил Павлу чрезвычайное расположение к себе. Павел, кажется, не знал одной особенности Разумовского. Этот блестящий молодой граф пользовался необыкновенным успехом у дам, прелестями коих он любил наслаждаться, не считаясь с правилами строгой нравственности. Путешествие от Любека до Ревеля Разумовский совершил на фрегате, где находилась старая ландграфиня со своими дочерьми. По-видимому, он произвел тогда же сильное впечатление на невесту Павла, Вильгельмину.

Павел в свою очередь влюбился в девицу, которая ему предназначалась в жены. Архиепископ Платон, учитель Павла, наставлял ее православию. Она приняла имя Натальи Алексеевны. В августе отпраздновали ее обручение с наследником. То, что Вильгельмина приняла православие, дало повод для остроумия Вольтеру и Фридриху II. Их веселость разделяла и Екатерина, которая сама, однако, настояла на принятии принцессой церковного вероучения, ибо это было, — как она думала, — необходимо по соображениям политическим.

Бракосочетание состоялось 29 сентября 1773 года. Среди пышных торжеств и празднеств Павел сохранял любезный и приветливый вид, о чем свидетельствуют иностранные дипломаты. Однако жениха и молодожена волновала какая-то мрачная мысль. Надо было побороть это опасное настроение. У Павла явилась потребность поделиться с кем-нибудь своими чувствами. Он решил, что лучше всех его поймет граф Разумовский. И он тогда же написал ему: «Дружба ваша произвела во мне чудо: я начинаю отрешаться от моей прежней подозрительности, но вы ведете борьбу противу десятилетней привычки и побораете то, что боязливость и обычное стеснение вкоренили во мне. Теперь я поставил себе за правило жить как можно согласнее со всеми. Прочь химеры, прочь тревожные заботы». Однако освободиться от этих тревожных забот и химер не так было легко. Трудно даже понять иногда, где начинается действительность и где сон. Едва окончились празднества по поводу бракосочетания цесаревича, как в Петербурге было получено известие о Пугачевском мятеже. Слухи были так загадочны, что это давало повод для всевозможных сумасшедших проектов, в коих

имя Павла называлось неоднократно. Даже Андрей Разумовский, заметив в простом народе расположение к Павлу, будто бы в порыве искренних чувств затеял разговор с цесаревичем о его правах на престол, и Павлу пришлось грозным взглядом принудить дерзкого к молчанию.

Все тревожило Павла — и такие огромные события, как Пугачевский бунт, и такие мелочи, как осколки стекла, случайно попавшие в блюдо сосисок, которое было подано на ужин его высочеству. Павел, разгневанный, пришел к Екатерине и заявил, что дворцовые слуги покушаются на его жизнь.

И вообще все шло не так, как надо. В это время высоко поднялась на государственном небосклоне звезда Потемкина. Это уже был не «дуралей» Орлов и не Васильчиков, человек незначительный, а умный, способный и надменный временщик, презиравший высокомерно бесправного наследника.

По мнению Павла, этот Потемкин ничего не понимал в государственных делах. У него, Павла, есть своя программа. В 1774 году он представил императрице записку — «Рассуждения о государстве вообще, относительно числа войск, потребного для защиты оною, и касательно обороны всех пределов».

Смысл записки был в том, что России надо вести не наступательную, а оборонительную политику. Расширять пределы России нет надобности. Армию надо сократить, но зато подчинить ее строгой регламентации. Надо стремиться к экономии прежде всего. Одним словом, в этой записке была резкая критика екатерининской программы. Императрица поняла тотчас, что ее пути с наследником разошлись окончательно. Она не очень скрывала от него свои чувства. А Потемкин относился с грубой небрежностью к этому юному претенденту на власть.

Сторонники Екатерины презирали Павла. Пугачевский бунт, хотя и задуманный правительством, странным образом напоминал знати о тех требованиях, какие предъявлял Павел. Мятежники как будто перекликались с наследником престола. И Пугачев и Павел тревожили тень убитого Петра III, приписывая ему добродетели, каких у него, вероятно, вовсе не было. Правда, Павел был в ужасе от побед страшного самозванца, но он доказал впоследствии, что у него к дворянству было не меньше ненависти, чем у этого беглого казака.

Музыка придворных празднеств, шум екатерининских дворцов, звон бокалов и пение кантат — ничто не могло заглушить мятежных воплей, которые доносились до столицы из дебрей Урала и степей Поволжья. Пылали дворянские усадьбы; бежали в панике

отряды, руководимые испытанными генералами; передавались бунтовщикам тысячи казаков, крестьян и горожан; находились даже попы и офицеры, присягавшие Пугачеву в надежде, что он отнимет власть у Екатерины... Понадобилось послать Петра Панина и самого Суворова, чтобы они усмирили губернии, охваченные огнем восстания. Павел, быть может, догадывался о смысле этого огромного бунта. Быть может, он понял слова самого Пугачева, сказанные им графу Панину: «Я вороненок, а ворон-то еще летает», 10 января 1775 года отрубили голову тому, кого Пушкин назвал «славным мятежником». Память о нем сохранилась навсегда не только в народе, но и во дворце. И среди услад брачного алькова Павлу мерещились окровавленные головы казненных.

Павел был влюблен в свою жену. Он слепо ей верил. И когда однажды Екатерина, раздраженная честолюбивыми мечтаниями великой княгини, постаралась внушить Павлу недоверие к жене и к его и ее другу А. М. Разумовскому, из этих внушений ничего не вышло. Ему, Павлу, Наталья Алексеевна казалась существом прекрасным и безупречным. Ее дружба с Разумовским была, как он думал, исполнена чувств совершенно невинных и целомудренных. Только в апреле 1776 года, когда после неблагоприятных родов она умерла, несчастный Павел убедился, что жена его была любовницей того самого Разумовского, с которым он так доверчиво делился сокровенными чувствами и мыслями. Екатерина нашла в шкатулке покойной письма ее возлюбленного и не утаила их от молодого вдовца.

III

Незадолго до женитьбы цесаревича на Вильгельмине гессен-дармштадтской с ним случилась странная история.

Однажды Павел засиделся до поздней ночи со своими друзьями, разговаривая и куря трубку. Светила ярко луна, и он решил прогуляться по Петербургу инкогнито в обществе князя Куракина. Была ранняя весна. Тени ложились по земле длинные и густые, а воздух весь был пронизан стальным, прохладным сиянием.

Князь Куракин, не замечая меланхолии Павла, шутил насчет запоздавших прохожих. Петербург был, как всегда, таинственный и прекрасный. Дворцы Растрелли и Кваренги казались в эту лунную ночь волшебным сном, ни с чем несравнимым.

При повороте в одну из улиц, где мощные гранитные стены были неожиданно похожи на призрачные декорации, Павел заметил

на крыльце одного дома высокого и худого человека, завернутого в плащ, вроде испанского, и в военной, надвинутой на глаза шляпе. Он, казалось, поджидал кого-то, и, как только молодые люди миновали его, он вышел из своего убежища и подошел к Павлу с левой стороны, не говоря ни слова. Невозможно было разглядеть черты его лица, только шаги его по тротуару издавали странный звук, как будто камень ударялся о камень. Этот спутник показался Павлу не совсем обыкновенным. Он шел рядом, почти касаясь цесаревича, и Павел почувствовал, как остывает его левый бок, как будто он прислонился к глыбе льда.

Павла охватила дрожь, и он, обернувшись к Куракину, сказал:

— У нас странный спутник.

— Какой спутник? — спросил Куракин.

— Вон тот, что идет слева и стучит каблуками.

Но Куракин никого не видел.

Зато Павел не сомневался в том, что его преследует кто-то. Цесаревич стал внимательно рассматривать незнакомца. Павел заглянул к нему под шляпу и встретил взгляд, который покорило и очаровало его.

Павел дрожал не от страха, а от холода. Какое-то странное чувство овладевало им и проникало в сердце. Ему казалось, что кровь у него стынет.

Вдруг из-под плаща раздался глухой и грустный голос:

— Павел!

Цесаревич невольно откликнулся, удивляя Куракина:

— Что тебе нужно?

— Павел, — повторил тот. — Бедный Павел! Бедный государь!

— Слышишь? — спросил цесаревич Куракина.

Но и на этот раз Куракин ничего не слышал.

А спутник продолжал говорить Павлу.

— Не увлекайся этим миром. Тебе недолго в нем жить, Павел.

Молодые люди вышли на площадь около Сената.

— Прощай, Павел, — сказал незнакомец, — ты меня снова увидишь здесь...

И Павел тотчас узнал орлиный взор, смуглый лоб и строгую улыбку прадеда.

Они стояли как раз на том месте, где по воле Екатерины воздвигнут был впоследствии Фальконетом памятник Великому Петру.

Сам Павел придавал своей галлюцинации особый смысл и был уверен, что видение не было случайной игрой больного воображения. Однажды, будучи за границей, он рассказал о своем видении. Этот рассказ летом 1782 года был записан баронессой Оберкирх. Он дал серьезный повод предположить, что голова бедного наследника не в порядке, что рано или поздно на российский престол взойдет безумец.

Надо сказать, что во время этой фантастической прогулки по лунному Петербургу Павел был уже причастен тайнам масонства. Масоном был и его спутник Куракин. Суеверие великого князя и трезвость его друга легко мирились с тогдашней практикой «вольных каменщиков». В ложах не было строгой идейной дисциплины: позволялось мыслить, покорствуя личным склонностям. Суть дела была в одном — в отрицании материализма, с одной стороны, и в соперничестве с христианской церковью — с другой. Очевидно, митрополит Платон сознательно или невольно уступил своего воспитанника Н. И. Панину, который был, как известно, влиятельный масон. И. В. Лопухин даже восхвалял в стихах графа Панина за то, что он ввел Павла в сообщество иллюминатов¹³:

О старец, братьям всем почтенный,
Коль славно, Панин, ты успел:
Своим премудрым ты советом
В храм дружбы сердце царско ввел...
Грядущий за твоим примером,
Блажен стократно он масон...

Кроме того, Павел, следуя примеру Петра III, весьма чтит Фридриха Великого, который покровительствовал масонам. Из Пруссии получались масонские книги и рукописи. Их жадно читал цесаревич, в надежде, что он познает истину. Братья-масоны внушали между прочим мечтателю, что его будущее самодержавие провиденциально¹⁴, что он, как посвященный, будет возглавлять не только государство, но и церковь. Эти идеи не казались Павлу жалким бредом. Он с ужасом смотрел на свою коронованную мать, которая, по его представлению, кощунственно владела престолом. Безбожница! Она смеялась над святыней. Нет, он, Павел, будет молиться часами перед иконами. Ему не приходило в голову, что братья-масоны лишь до поры до времени терпят его суеверие; он не догадывался, что именно из масонских кругов выйдут в недалеком будущем те самые «якобинцы», которых он впоследствии считал врагами рода человеческого.

Сухой, ясный и насмешливый ум Екатерины не позволял ей отнестись к масонству с доверием и сочувствием. Она изучила масонскую литературу и сочинила на братьев-каменщиков три сатирические комедии¹⁵. Впрочем, наступили дни, когда ей пришлось бороться с вредным, по ее мнению, сообществом иными средствами — арестами и ссылками. Расправа с Новиковым¹⁶ всем известна. Сами масоны объясняли эти кары тем, что были установлены следствием сношения Новикова с цесаревичем. Преступность этих связей в глазах Екатерины усугублялась еще близостью Павла к дипломатическим агентам Берлина. Иллюминаты возлагали надежды на Павла. В московском издании «Магазин свободно-каменщической» имеются следующие вирши, обращенные к Павлу:

С тобой да воцарятся
Блаженство, правда, мир,
Без страха да явятся
Пред троном нищ и сир;
Украшенный венцом.
Ты будешь всем отцом.

История не оправдала масонского оптимизма. Павлу слишком долго пришлось ждать престола, и он занял его сорока двух лет, с душой уже помраченной и больной. Впрочем, масонские возжелания были не лучше странных идеалов безумного самодержца.

IV

Екатерина решила утешить обманутого и оскорбленного вдовца. С обычной фривольной игривостью она писала Гримму, как она ловко повела дело и убедила цесаревича в необходимости жениться. Она подыскала ему невесту. Это была вюртембергская принцесса, София-Доротея, внучатая племянница Фридриха II, который сочувствовал этому браку. Софии-Доротее, принявшей в православии имя Марии Федоровны, суждено было сыграть немалую роль в жизни Павла.

Эта юная принцесса, миловидная и сентиментальная, воспитанная в духе Руссо, отличалась характером доверчивым и нежным. Павел встретился с нею в Берлине, где Фридрих II, несмотря на свойственную ему скупость, чествовал русского наследника престола с необыкновенной пышностью. Хитрый король готовил себе будущего могущественного союзника. Павел был польщен. Невеста ему понравилась.

«Мой выбор сделан, — писал он Екатерине. — Препоручаю невесту свою в милость вашу и прошу о сохранении ее ко мне. Что касается до наружности, то могу сказать, что я выбором своим не остыжу вас; мне о сем дурно теперь говорить, ибо, может быть, я пристрастен, но сие глас общий. Что же касается до сердца ее, то имеет она его весьма чувствительное и нежное, что я видел из разных сцен между роднёю и ею. Ум солидный ее приметил и король сам в ней, ибо имел с ней о должностях ее разговор, после которого мне о сем отзывался; не пропускает она ни одного случая, чтобы не говорить о должности ее к вашему величеству. Знания наполнена, и что меня вчера весьма удивило, так разговор ее со мной о геометрии, отзываясь, что сия наука потребна, чтобы приучиться рассуждать основательно. Весьма проста в обращении, любит быть дома и упражняться чтением или музыкою, жадничает учиться по-русски, зная, сколь сие нужно» ...

Сентиментальная принцесса влюбилась в Павла не менее, чем он в нее. Она так же, как и он, изливает свои взволнованные чувства в письмах к родным и подругам. Что касается до знаменитого прусского короля, то он, угождая Павлу и его державной матери, по-видимому, не утратил, однако, своей наблюдательности и скептицизма. В его исторических опытах имеются следующие любопытные строки, относящиеся к Павлу: «Он показался гордым, высокомерным и резким (*altier, haut el violent*), что заставило тех, которые знают Россию, опасаться, чтобы ему не было трудно удержаться на престоле, на котором, будучи призван управлять народом грубым и диким (*dure et feroce*), избалованным к тому же мягким управлением нескольких императриц, он может подвергнуться участи, одинаковой с участью его несчастного отца».

Холодный рационалист, но зоркий соглядатай душ и сердец, Фридрих II как будто угадал судьбу Павла. Это предвидение тем более замечательно, что цесаревич вовсе не на всех производил такое мрачное впечатление. Некоторые мемуаристы восхищаются внешностью и характером великого князя. Мария Федоровна в числе этих панегиристов. «Великий князь, очаровательнейший из мужей, — писала она подруге своего детства, — кланяется вам. Я очень рада, что вы его не знаете, вы не могли бы не полюбить его, и я стала бы его ревновать. Дорогой мой муж — ангел. Я люблю его до безумия». Вот какие чувства внушил женщине Павел Петрович. Но сам он сознавал особенности своего характера. В интереснейшем письменном «наставлении», которое он приготовил и вручил своей невесте, есть, между прочим, следующее предупреждение:

«Ей придется прежде всего вооружиться терпением и кротостью, чтобы сносить мою горячность и изменчивое расположение духа, а равно мою нетерпеливость». Он мог бы прибавить и еще кое-что о странностях своего характера. По-видимому, вскоре он и сделал это. Павел признался своей возлюбленной, что его душа наполнена призраками, которые внушали ему ужас. Он, великий князь, любезен и приветлив; иным он кажется остроумным и добродушным; у него есть царственная самоуверенность и свой собственный стиль; но за этой маской таится слепой и мучительный страх. Чего он боится? О, разве мало привидений вокруг него! Разве по ночам не стоит перед ним загадочный мертвый Петр III, как будто призывая его, Павла, к отмищению? Разве не мерещится ему красивое, холодное и непонятное лицо покойной великой княгини Натальи Алексеевны, чьи ноги он целовал, не подозревая, что она отдается бесстыдному ловеласу Разумовскому? А разве не страшно живое и как будто светлое, как будто открытое, как будто милостивое лицо императрицы Екатерины? Разве эта самодержавная властительница его судьбы не ужаснее всех покойников? Что у нее на уме, у этой великолепной царицы? Не грозит ли ему, Павлу, такая же участь, какая постигла Иоанна Антоновича или Петра Федоровича?

«Богу известно, каким счастьем представляется для меня вскоре принадлежать вам, — писала Павлу невеста, — вся моя жизнь будет служить вам доказательством моих нежных чувств, да, дорогой, обожаемый, драгоценнейший князь, вся моя жизнь будет служить лишь для того, чтобы явить вам доказательства той нежной привязанности и любви, которые мое сердце будет постоянно питать к вам. Покойной ночи, обожаемый и дорогой князь, спите хорошо, не беспокойтесь призраками (*n'ayez pas des fantomes*), но вспоминайте немного о той, которая обожает вас».

«Не беспокойтесь призраками!» Легко давать такие советы, но как их исполнить? Удалить призраки не в нашей власти. Они преследуют больную душу. Напрасно несчастный мечтает освободиться от этих видений. А у Павла жизнь складывалась так, что он с каждым годом становился все более и более мнительным и подозрительным. Для его подозрительности были серьезные основания. При первом знакомстве с Марией Федоровной Екатерина оказала ей свое внимание и расположение. Под первым впечатлением от этой встречи у властолюбивой императрицы явилось желание обласкать и очаровать молодоженов. У них состоялся ряд свиданий, на коих Екатерина держала себя как нежная мать. Павел,

со свойственной ему экспансивностью, тотчас же откликнулся на милостивое дружелюбие царицы. Но эта идиллия недолго продолжалась. Главное, — у Екатерины и Павла были различные вкусы. В Павле проснулись те самые интересы и настроения, какие были характерны для Петра III, — симпатии к Пруссии, восхищение ее порядками и военной дисциплиной. Политическая программа вытекала из этих увлечений мнимой гармонией прусской государственности.

Павлу не хотелось расширять пределы Российской империи. Ему хотелось сосредоточить ее силы, замкнуть их в рамки существующей территории, привести в порядок весь этот громоздкий хаос запутанных дел и отношений. А у Екатерины были другие планы. Ей была нужна великолепная панорама империи-победительницы, империи-завоевательницы. Отсюда ее войны на юге, борьба с Оттоманской Портой, с Польшей и невольная война с Швецией. В то же время ей нужно было кокетничать с Европой своим либерализмом. У нее была потребность переписываться с Гриммом, с Вольтером, со всеми знаменитостями, занимавшими воображение европейских салонов. У Павла были другие корреспонденты. Из Берлина, из Швеции, из Москвы он получал тайно письма и сочинения масонов; они старались внушить ему особые понятия о самодержавной власти, которая рано или поздно должна была перейти в его руки. Об этих сношениях подозревала Екатерина. Она понимала, что с ее смертью, если Павел взойдет на престол, вся ее государственная программа будет уничтожена в первые же дни его правления. И она задумала отстранить Павла от престола. И он об этом догадывался. Но, кажется, это решение императрицы и опасения Павла созрели не сразу. Благосклонная мать и почтительный сын, таившие друг от друга взаимную ненависть и презрение, как будто все старались убедить самих себя и других, что еще возможен мир, возможно уладить столкновения, грозившие государству новыми потрясениями.

Жизнь Павла протекала в семейном быте, в политическом бездействии, не лишенном, однако, острого и враждебного внимания к государственным делам. Своими мрачными впечатлениями от политики Екатерины он откровенно делился с Н. И. Паниным, и они единодушно осуждали большой двор, где, по выражению Павла, «боятся нестрашного и смеются несмешному». Весной 1777 года великая княгиня забеременела. Осенью пришлось переехать в Зимний дворец, покинув Павловск, который был подарен Екатериной молодым супругам¹⁸. Они уезжали в меланхолии, как

будто предчувствуя, что там, в Петербурге их ожидает что-нибудь недоброе. В самом деле, в эту осень постигло столицу ужасное бедствие: приезд великокняжеской четы совпал с самым страшным в летописях Петербурга наводнением. Суеверный Павел в ужасе смотрел на огромные пасти волн, готовые поглотить все на их пути. Ему казалось, что эта темная стихия угрожает безбожному городу, мстя за преступления коронованных убийц.

Едва потускнело в душе Павла мучительное впечатление от буйства непокорной Невы, как на его долю выпало новое испытание. На этот раз в нем был оскорблен не почтительный сын, не ревнивый любовник, но претендент на престол, а муж, отец и семьянин. Когда 12 декабря 1777 года родился в семье цесаревича столь желанный им сын Александр, этот младенец был по требованию императрицы отнят от матери и отца и отдан на попечение особых воспитательниц, назначенных Екатериной. В известные сроки разрешалось Марии Федоровне навещать ребенка, но ни ей, ни Павлу не доверяли воспитание будущего императора. Екатерина, очевидно, тогда уже рассчитывала подготовить ребенка к судьбе престолонаследника. Так отняты были от родителей все их дети — Александр, Константин, Николай. Той же участи подверглись и дочери Павла¹⁹. Он должен был покорствовать, стиснув зубы, затаив мучительное чувство. Одного этого испытания было бы достаточно для того, чтобы потерять душевное равновесие. И Павел все менее и менее владел собой.

В 1780 году политика Екатерины определилась очень твердо. Русское правительство порвало связь с Пруссией и сблизилось с Австрией. С таким направлением нашей дипломатии Павлу трудно было мириться. Но Екатерина была непреклонна. В конце 1781 года, в связи с новой политической программой, у Екатерины явился план отправить великокняжескую чету за границу. Согласно ее программе, Павел должен был посетить Австрию, Италию и Францию. Берлин, о котором мечтал Павел, в маршрут цесаревича не вошел. И на этот раз Павел повиновался, не посмеив настаивать на свидании с Фридрихом II.

Павел путешествовал под именем князя Северного. Европейские дворы встречали Павла с таким почетом, какого он не знал у себя в России. Это льстило ему и волновало его честолюбивое сердце. А между тем в Европе многие сознавали, как странно и двусмысленно положение великого князя. В придворном Венском театре предполагалось поставить «Гамлета», но актер Брокман отказался играть, сказав, что, по его мнению, трудно ставить на сцене «Гам-

лета», когда двойник датского принца будет смотреть спектакль из королевской ложи. Император Иосиф был в восторге от проницательности актера, и представление шекспировской трагедии не состоялось.

Из Вены Павел с женой поехал в Италию. Он посетил Венецию, Падую, Флоренцию, Болонью, Анкону, Рим, Неаполь. В Неаполе он встретился с обольстителем своей первой жены. Разумовский был там нашим послом. В это время он находился в связи с королевой неаполитанской. Рассказывают, что, увидев своего оскорбителя, Павел будто бы обнажил шпагу и предложил ему поединок, который не состоялся благодаря вмешательству свиты. В Риме у Павла было несколько свиданий с Пием VI. Во Флоренции в страстном порыве Павел не удержался от резких порицаний екатерининских фаворитов. Путешественники побывали в Ливорно, Парме, Милане и Турине. Оттуда через Лион князь Северный со свитой поехал в Париж.

Это был канун Большой Французской Революции.

V

Совершая свою поездку от Лиона до Парижа, будущий император России не мог не видеть резких контрастов сельской жизни. Пышные шато²⁰ дворян, епископов, откупщиков и нищие, крытые соломой хижины крестьян и фермеров красноречиво говорили о том, что не все благополучно в этой «прекрасной Франции». Правда, глаз будущего властелина мог уже привыкнуть к подобным контрастам и в тогдашней России, но там многомиллионное население дремало и лишь изредка дико кричало в кошмарном сне какой-нибудь пугачевщины. Здесь, во Франции, мятежи стали явлением обычным и вошли в традицию. В одной Нормандии, — как точно сообщил один кавалер Павлу, — бунты из-за хлеба отметили собою ряд лет — 1725, 1737, 1739, 1752, 1764, 1765, 1766, 1767, 1768 и так далее и так далее. Чем ближе к дням кроткого Капета²¹, тем чаще вспыхивали эти огни, освещавшие сумерки обреченной на гибель ветхой государственности.

Когда Павел со свитой останавливался в городах и селениях, к его удовольствию он ни в чем не чувствовал недостатка. Он был окружен комфортом, который казался глазевшим на него крестьянам непростительной роскошью и бесстыдной расточительностью. Крестьяне не могли думать иначе. Как раз в этом году в равнине Тулузы они не ели ничего, кроме маиса, и то в небольшом коли-

честве; в других местностях сельскому населению приходилось еще хуже — даже каштаны и гречиха считались лакомством. В Лимуссене питались репой; в Оверни — смесью ячменя и ржи. Крестьяне почти не видели хорошего пшеничного хлеба.

Павел, интересовавшийся армией прежде всего, не мог не обратить внимания на то, что из девяноста миллионов, которые тратила казна Людовика XVI на содержание армии, сорок шесть шло на офицеров и лишь сорок четыре на солдат. Если принять во внимание, что на каждого офицера приходилось до пятидесяти и более нижних чинов, то становится очевидной безобразная несправедливость в распределении государственных средств. Павлу казалось, что система эта напоминает порядки Екатерины. В народе слагались легенды, также иногда похожие на наши российские мифы о народном царе. Этими легендами охотно пользовались во время мятежей, приписывая королям то, что у нас мужики приписывали царю. «Крестьяне все время говорят, что у нас грабежи и разрушения, которые они учиняют, соответствуют желанию короля».

«В Оверни крестьяне, сжигающие замки, выказывают большое отвращение к подобному плохому обращению «с такими хорошими господами»: они ссылаются на то, что ничего не поделаешь — «приказ непреклонен и они имеют уведомление, что его величество так хочет». Лет через десять легенда о народолюбивом короле была разоблачена, но тогда еще пользовались ею, крича: «Долой подати и налоги! Долой привилегированных!» «Грабили магазины, рынки, замки, сжигали списки недоимщиков, счетные книги, думские архивы, помещичьи библиотеки, монастырские пергаменты — все подлые бумаги, которые создают повсюду несчастных и угнетенных».

Впрочем, Павел об этом скорее мог догадаться, чем точно знать. Пестрая и великолепная панорама аристократической и придворной жизни искажает перспективу истории. Королева Мария Антуанетта, граф д'Артуа, госпожа де Ламбаль, Полиньяк, герцоги, маркизы и кавалеры ему не представлялись в виде кровожадных вампиров, какими рисовала себе их парижская толпа, состоявшая отчасти из провинциальных неудачников, тщетно искавших счастья в столице.

При въезде в Париж Павел не мог, однако, не заметить, как роскошны золотые экипажи коронованных особ и знати и как нищи и грязны улицы, где, за отсутствием тротуаров, несчастные пешеходы рискуют головой: дворяне любили бешено гнать своих

лошадей, давя народ. В это время в салонах говорили о правах человека, с наслаждением читали Вольтера, смеялись вместе с веселыми кардиналами над суеверием отцов, цитировали Дидро, вздыхали над Руссо, декламировали непристойные стихотворные повести Лафонтена. Предчувствовало ли это привилегированное общество свою гибель?

В начале мая великокняжеская чета приехала в Париж. В первый же день Павел инкогнито присутствовал на торжественной мессе и видел процессию кавалеров святого духа²². Он был очарован великолепием Версаля. Представляясь королю, он сумел сказать любезные слова, не теряя достоинства, на что застенчивый Людовик XVI отвечал не слишком складно. Мария Антуанетта была в восторге от визитов Павла и его жены.

Торжества и празднества шли неизбежной вереницей по случаю их приезда. Слушали оперу в волшебной зале Версальского театра, участвовали в блестящем празднике в Малом Трианоне. «Графиня Северная имела на голове маленькую птичку из драгоценных камней, на которую едва можно было смотреть: так она блистала. Она качалась на пружине и хлопала крыльями по розовому цветку»... Сад был чудесно иллюминирован. Потом был бал в Зеркальной галерее Версаля, расписанной Лебреном. Роскошь этого бала была необычайна. Павел говорил остроты, которые передавались из уст в уста. На другой день был смотр французской гвардии на Марсовом поле. Потом устроена была поездка в Шантильи, где гостей чествовал принц Конде. Здесь не любили вольтерьянцев. Вольнодумцы чувствовали себя лучше в Пале-Рояле. В Шантильи после спектакля ужинали на острове Любви, а на другой день охотились на оленей.

Возвращаясь из королевско-аристократического дворца Конде, Павел и Мария Федоровна посетили могилу Руссо в Эрменонвиле, очевидно, не подозревая, что они преклоняют свои колени перед тем самым философом, которого в это время благоговейно читал Робеспьер.

Павла и его жену угощали пирами и балами каждый день, между прочим, граф д'Артуа и граф Прованский. Ни Павел, ни эти графы не предвидели, что они встретятся при совершенно иных обстоятельствах: принц Конде, граф д'Артуа и граф Прованский спустя несколько лет бежали от огня революции и нашли убежище в России, выпросив субсидии и покровительство у Павла Петровича.

Цесаревич удивлял парижан знанием французского языка и французской культуры. Гримм рассказывал, что, посещая

мастерские художников, русский принц обнаружил тонкий вкус и немалые знания. Он осмотрел Академию, музеи, библиотеки и всевозможные учреждения, всем интересуясь. Бомарше читал ему еще не напечатанную тогда «Свадьбу Фигаро». Поэты подносили ему груды мадригалов²³ и од.

И вот в разгаре этих торжеств и успехов Павел неожиданно получил от Екатерины грозное письмо. Оказывается, была перехвачена переписка наперсника Павла, князя Куракина, с Бибиковым, который в своей корреспонденции отзывался неуважительно об Екатерине и ее фаворитах.

Слухи о неладах императрицы с наследником дошли до Людовика XVI, и король однажды спросил Павла, имеются ли в его свите люди, на которых он мог бы вполне положиться. На это Павел ответил с присущей ему выразительностью: «Ах, я был бы очень недоволен, если бы возле меня находился хотя бы самый маленький пудель, ко мне привязанный: мать моя велела бы бросить его в воду, прежде чем мы оставили бы Париж».

8 июня Павел уехал из столицы Франции. Маршрут дальнейшего путешествия был таков: Орлеан, Тур, Анжер, Лилль и Брюссель. Более месяца Павел и его жена наслаждались семейным счастьем в Этюпе около Монбельяра, где жили родители Марии Федоровны. В Россию они возвращались через Вену, минуя по приказанию императрицы опасный Берлин. Они прибыли в Петербург 20 ноября 1782 года.

Глухая вражда императрицы и Павла продолжалась. Бибиков был сослан. Такой же участи в более мягкой форме подвергся Куракин. Умер Никита Иванович Панин. Цесаревич, лишенный друзей и сочувствующих, был окружен враждебными интригами, и для его мнительности было слишком много поводов. Он был даже удивлен, когда 12 мая 1783 года, после присоединения Крыма, Екатерина удостоила его серьезной беседы по вопросам международной политики. Павел отметил это в своем дневнике, как «доверенность ему многоценную, первую и удивительную».

Вскоре у Марии Федоровны родилась дочь Александра, и Екатерина подарила по этому поводу цесаревичу «мызу Гатчино». Она была куплена у наследников бывшего любовника царицы, знаменитого своей веселостью Григория Орлова, который умер, однако, как многие весельчаки, в припадках дикой меланхолии. Политический разговор Екатерины с Павлом и ее дар — Гатчина — были последними ее милостями сыну.

Наступает тринадцатилетний «гатчинский» период жизни Павла. Здесь созрели окончательно политические идеи будуще-

го императора; здесь определился его характер; здесь он создал своеобразный и мрачный быт; здесь душа его, уже отравленная ревнивыми мечтами о власти, ничем не ограниченной, заболела страшным недугом.

Екатерина зорко следила за отстраненным от власти Павлом. Ее любимый внук Александр был окружен новыми воспитателями и учителями. Среди них был швейцарский вольнодумец Фридрих Лагарп. И этот воспитатель, как и все прочие, был назначен императрицей без ведома Павла. Было очевидно, что престол не ему предназначался. С цесаревичем вовсе не считались. Но Павел не мог с этим примириться. В письмах к графу Н. П. Румянцеву его сетования похожи на вопль: «Тридцать лет без всякого дела!» Чтобы чем-нибудь занять себя, Павел стал настоящим гатчинским помещиком. В этом хозяйстве, однако, был свой стиль — «павловский стиль». Гатчина и Павловск — резиденции великокняжеской четы — остались до наших дней, несмотря на новые планировки и перестройки, памятниками эпохи Павла. В Павловске преобладал вкус Марии Федоровны, в Гатчине — Павла. Впрочем, муж и жена, по-видимому, искали художественного компромисса, и это выразилось в некотором эклектизме зодчества и интерьеров. В Павловске работали замечательные мастера — Камерон, Кваренги, Бренна, Скотти, Гонзаго, Баженов... Но Екатерина была скупа, когда денег просил Павел. Поэтому зодчие и художники были связаны экономией. От этого великолепные замыслы казались странными и смешными, как, например, псевдороманская крепость Бип. Зодчий Бренна по воле Павла построил в Павловске средневековую крепость с донжоном²⁴, с остроконечными башнями, со всеми грозными атрибутами воинственной эпохи, но эта постройка, благодаря своему малому масштабу, производит впечатление игрушечное и комическое. Бедный Павел! Будучи взрослым и зрелым человеком, он играл роль самодержца в своем небольшом поместье, как мальчики играют, забавляясь ненастоящими крепостями и ненастоящими армиями.

И Павел создал в Гатчине свою особую армию. Сначала она состояла всего лишь из восьмидесяти человек. Ими командовал капитан Штейннерг, которому были известны все тайны и тонкости окзерцирмейстерства Фридриха II. Впрочем, с каждым годом эта игрушечная армия увеличивалась благодаря настойчивости Павла. Введена была та военная дисциплина, какая применялась в Пруссии. Вся эта затея напоминала Екатерине военные увлечения ее покойного супруга, но она не считала возможным отнять

у Павла его забаву. Императрица не угадала в гатчинской армии той военной и политической идеи, которая надолго определила судьбу нашей государственности. Эта идея пережила безумного императора. Она пережила и самого вдохновителя этой идеи — Фридриха Великого, который умер в 1786 году. С ним Павел находился в постоянных сношениях вплоть до его смерти, о чем Екатерине неизменно доносили ее агенты.

1788 год был годом испытания для России. Нашему правительству пришлось вести две войны — с Оттоманской портой и с Швецией. Павел решился просить Екатерину о позволении отправиться на театр военных действий. Императрица, боясь столкновения Павла с Потемкиным, не разрешила ему ехать в южную армию. Павел отправился на север, где немедленно поссорился с главнокомандующим Мусиным-Пушкиным. Ему только однажды удалось побывать под огнем неприятеля. Кампания окончилась для нас благоприятно. Павел был отозван Екатериной до окончания военных действий, ибо ему самому пришлось уведомить императрицу, что неприятельские генералы пытались вести с ним, Павлом, переговоры, минуя петербургское правительство. Этого, конечно, Екатерина не могла потерпеть.

О военных подвигах Павла Екатерина отзывалась насмешливо. Он даже не получил Георгиевского креста²⁵, на который он имел право рассчитывать.

Снова поневоле уединившись в Гатчине, Павел занялся формированием своей маленькой армии. Теперь у него было уже около двух тысяч солдат; были орудия; был даже игрушечный флот. Люди, правда, были живые, не игрушечные, но маршировали они, как заведенные автоматы. Одеты они были на прусский манер, все в париках с косами, усыпанных мукой. На улицах Гатчины стояли прусские полосатые будки. И на гауптвахтах наказывали солдат совершенно так же, как в Берлине, — немилосердно и педантично. Зато кормили солдат изрядно, и офицеры не смели обижать нижних чинов зря, без нарушения дисциплины. Найти офицеру эту среднюю линию поведения — быть строгим и в то же время не давать повода для жалоб, на что все солдаты имели право, — было не так-то легко. Воспитывался особый тип гатчинского служаки — покорного царского раба и жестокого фронтовика. Идеальным типом такого офицера был Алексей Андреевич Аракчеев, любимец Павла, злой гений Александра.

Надо представить себе лицо или маску Аракчеева, ибо сам Павел без этого спутника не вполне понятен и выразителен. В своих

записках Н. А. Саблуков оставил для потомства портрет будущего временщика. «По наружности, — пишет мемуарист, — он походил на большую обезьяну в мундире. Он был высок ростом, худощав и жилист; в его складе не было ничего стройного, так как он был очень сутуловат и имел длинную тонкую шею, на которой можно было изучать анатомию жил и мышц. Сверх того, он странным образом морщил подбородок. У него были большие мясистые уши, толстая безобразная голова, всегда наклоненная в сторону. Цвет лица его был нечист, щеки впалые, нос широкий и угловатый, ноздри вздутые, рот огромный, лоб нависший. Наконец, у него были впалые серые глаза, и все выражение его лица представляло странную смесь ума и лукавства. Будучи сыном мелкопоместного дворянина, он был принят кадетом в кадетский корпус, где он настолько отличился своими способностями и своим прилежанием, что вскоре был произведен в офицеры и назначен преподавателем геометрии; но он оказался таким тираном в обращении с кадетами, что вскоре был переведен в артиллерийский полк...»

Оттуда он попал в Гатчину.

Павел полюбил его. Почему? Кажется, будущий император дорожил им прежде всего потому, что в этом верном рабе он чувствовал какую-то опору. В Аракчееве был какой-то трезвый реализм, которого не было в Павле. А «реализм» так был нужен безумному цесаревичу, который изнемогал в тщетной борьбе с призраками. Почти все мемуаристы говорят об этом бреде Павла. Так, и Ф. В. Ростопчин в письме к графу С. Р. Воронцову говорит о том, что Павел постоянно не в духе, ибо голова его «наполнена призраками». Иностранцы также обращали внимание на странности великого князя. Сегюр, например, в своих мемуарах пишет: «Павел желал нравиться; он был образован, в нем замечалась большая живость ума и благородная возвышенность характера... Но вскоре, — и для этого не требовалось долгих наблюдений, — во всем его облике, в особенности тогда, когда он говорил о своем настоящем и будущем положении, можно было рассмотреть беспокойство, подвижность, недоверчивость, крайнюю впечатлительность, одним словом, те странности, которые явились впоследствии причинами его ошибок, его несправедливостей и его несчастий...», «История всех царей, низложенных с престола или убитых, была для него мыслью, неотступно преследовавшей его и ни на минуту не покидавшей его. Эти воспоминания возвращались, точно привидение, которое, беспрестанно преследуя его, сбивало его ум и затемняло его разум». Эти впечатления относились к 1785 году. Спустя четыре

года, возвращаясь во Францию, где его ждали события Большой Революции, этот дипломат провел в Гатчине у цесаревича два дня. Наблюдательный француз заметил в Павле те противоречия, которые изумляли и других современников, — любезность, остроумие, образованность и в то же время высокомерие, небрежность, деспотизм и, главное, мнительность, похожую на болезнь души. Француз угадал и причину этой душевной неуравновешенности Павла. Цесаревич изнемогал от страха. «Печальная судьба его отца пугала его, он постоянно думал о ней, это была его господствующая мысль...»

VI

Павел внимательно следил за тем, что происходило во Франции. Когда в 1789 году он узнал о разрушении Бастилии, о «Декларации прав человека и гражданина», о походе черни на Версаль²⁶, его разум отказывался верить в реальность этих событий. Не дурной ли это сон? Еще так недавно он сидел в Версале за интимным ужином с Людовиком и его женой, которую буйные парижане называют теперь подлой австриячкой. Павел живо представил себе этого застенчивого и, как ему казалось, добродушного человека, с большим носом, полными губами и короткой шеей, о котором ораторы говорили теперь как о тиране. И эта Мария Антуанетта! Он вспомнил почему-то, как она произносила французские фразы с едва заметным немецким акцентом... И эта женщина, оказывается, — предмет ненависти всей нации. В чем дело? Правда, в воображении Павла предстала тотчас же толпа голодных оборванцев, которую он видел однажды около Пале-Рояля и которая показалась ему дикой и страшной, но эти санкюлоты²⁷, вероятно, сами виноваты в своей нищете. Добрая половина их — порочные пьяницы. Во всяком случае, не лилии Бурбонов²⁸ повинны в нищете народа. Впрочем, Павел не мог уже рассуждать последовательно и здраво. Ему казалось, что дело вовсе не в банкротстве страны, не в нищете, не в привилегиях, а в чем-то ином. Восстали темные дьявольские силы, которые посягают на священное право монархов. Об этих таинственных прерогативах верховной власти было обстоятельно и убедительно написано в масонских книгах, которые он получал от Плещеева, Панина, прусского принца Генриха, шведского короля Густава III и прочих магистров и мастеров братства. Но теперь до Павла дошли странные вести, которые сводили его с ума. Ему стало известно, что будто бы страшные якобинские клубы²⁹

инспирированы были масонами. В чем смысл и тайна этих безобразных противоречий? Не стал ли он сам и его коронованные друзья жертвой адской интриги? Может быть, масоны руководятся теми же правилами, что и последователи святого Игнатия Лойолы, которые не брезгают всякими средствами для своей единой цели³⁰. Масоны внушили Павлу, что христианская церковь отстала от просвещенного века, что религиозные истины хранятся в тайном учении, которое мудро согласуется с духом времени, что он, Павел, как будущий самодержец, выше епископов и соборов. Эта идея нравилась Павлу. Но вот, однако, всемогущие масоны не могут или не хотят спасти державного Бурбона. Значит, им все равно — монархия или якобинская власть, только бы изничтожить страшную соперницу — церковь. Надо или убить ее вовсе, как хотят якобинцы, или поставить над ней иную, самодержавную императорскую власть и лишить ее свободы. Так бредил Павел.

Совсем по-иному рассуждала Екатерина. Эта поклонница Вольтера, эта холодная разумница вовсе не склонялась к романтическим бредням, не интересовалась таинственным смыслом событий. Ей не приходило в голову отрицать революцию по существу. В самом деле, не сама ли императрица весьма трезво и точно толковала о правах человека? Какие там высокие санкции, когда не только земные, но и небесные святые пора сдать в архив! Такой способ рассуждать никак не мог понудить Екатерину противопоставлять что либо принципиальное революционным идеям. Зато у нее явились в душе серьезные аргументы против революции в плане практическом. Ей решительно не пришлась по вкусу якобинская тактика. Она вдруг сообразила, что идеи идеями, но, — как она любила выражаться, — «своя сорочка ближе к телу». Одним словом, если Бурбонам надо пасть, пусть падут, а ей, русской царице, есть еще соблазн поцарствовать. У нее возражения были тактические. Революция, мол, уместна при известном уровне цивилизации, при условии, если абсолютизм оказался непросвещенным и упрямым, но в России все наоборот: правительство весьма просвещенное, а народ еще не успел прочесть энциклопедистов и не заинтересовался Руссо. Надо сначала его обучить по-французски, но, к сожалению, для этого не хватает парижан и денег. И она раздавала тысячи и десятки тысяч этих неучей своим любовникам.

«Пугачеву я дала хороший урок, — думала она, — он из могилы не встанет. Авось в мое царствование второй не явится».

Однажды, когда Павел в ее присутствии, читая французские депеши, воскликнул в негодовании: «Я бы давно все прекратил пуш-

ками!» — Екатерина спокойно заметила: «vous etes une beie feroce!»³¹ Или ты не понимаешь, что пушки не могут воевать с идеями?»

Это было сказано, по-видимому, с совершенной искренностью и полной убежденностью.

Она была убеждена, как Робеспьер, что истина вся целиком открыта примерно к середине XVIII века. Они разошлись только в практическом применении этой истины. Прозрачный и простой ум Екатерины естественно отворачивался от всего туманного, неопределенного и загадочного. Ей не хотелось вникать в глубокомыслие мартинистов, и она не старалась понять их целей, быть может, не таких уже далеких от целей якобинцев, несмотря на различие их тогдашнего пути. Ей нужны были ясные формулы, вразумительные для всех. Влечение Павла к масонству уже само по себе могло внушить ей враждебные чувства. Она не догадывалась, что ее любимец, ее внук Александр, которого она прочила в наследники престола, значительную часть своей жизни посвятит впоследствии тому самому учению, которое очаровало Павла и которое Екатерина высмеивала в своих комедиях. Этот юноша, красивый, способный к наукам, не лишенный грациозного ума, а главное, умеющий пленять сердца с отроческих лет, однако вынужденный делить свои чувства между двором Екатерины и «гатчинским семейством», — этот обольстительный юноша был, как точно о нем сказал Пушкин, — «в лице и в жизни арлекин»³². Екатерина не заметила в характере Александра этой двусмысленности, а иногда и странного коварства, ему свойственного.

В 1793 году, когда женили Александра, Екатерина на тайном заседании ближайших к престолу вельмож решительно поставила вопрос об устранении Павла от короны. В совете нашлись упрямцы, которые помешали единогласному решению этой нелегкой задачи. Пришлось отложить это дело. Но императрица несколько не колебалась в своем мнении. Этому предшествовал в 1792 году арест Новикова и его товарищей масонов. Екатерина узнала о сношениях друзей Новикова с Павлом, которые начались еще в 1787 году. Она знала, что знаменитый зодчий Баженов по поручению московских мартинистов³³ имел свидания с Павлом и снабжал его книгами и документами. Если бы не эта связь с Павлом, может быть, Новикову не пришлось бы сидеть в том самом каземате Шлиссельбургской крепости, где был убит Иоанн Антонович. В указе от 1 августа 1792 года по поводу связи Новикова с Павлом сказано было: «Они (розенкрейцеры³⁴) употребляли разные способы... к уловлению в свою секту известной по их бумагам особы, — в сем уловлении

так, как и в помянутой переписке, Новиков сам признал себя преступником». Насколько Павел был «уловлен» Новиковым, мы не знаем. Мы не знаем также, когда именно Павел был «посвящен», однако едва ли можно сомневаться в том, что он был посвящен. В шведском королевском замке, в галерее коронованных масонов, имеется между прочим портрет Павла, украшенный эмблемами розенкрейцеров.

Для устранения Павла от престола необходимо было согласие на это Александра, и Екатерина старалась обеспечить это согласие, но уклончивый молодой человек вел себя так загадочно, что императрица не вполне была уверена в успехе своего предприятия. Она обращалась даже с этой целью к Лагарпу, но добродетельный швейцарец не пожелал быть орудием императрицы. В начале 1795 года он получил отставку. Уезжая, он добился свидания с Павлом, который считал его якобинцем. Лагарп постарался внушить ему доверие к сыну. Между Павлом и Александром неожиданно для Екатерины установились некоторые сочувственные отношения. Этот «ангел» оказался довольно ревностным служакой гатчинской кордегардии. Можно даже говорить, что Александр был не двулик, а многолик: он был в молодости и якобинцем, и гатчинским экзерцирмейстером, и сентиментальным мечтателем, и хитрым дипломатом...

Павел чувствовал, что кольцо враждебных ему сил становится все уже и уже. Людей к нему доброжелательных или удаляют, или сажают в крепость, или стараются восстановить против него. Милый мальчик Александр как будто чувствует в нем отца, но что-то непонятное и жуткое в глазах этого юноши. Ложе шестидесятилетней императрицы делит теперь Зубов. Этот негодяй, не обладая способностями Потемкина, распоряжается государством, как своим хозяйством. Екатерина вовсе не скрывает своего намерения лишить Павла его права на престол. Она даже предложила Марии Федоровне убедить мужа в необходимости отречься от власти и требовала, чтобы она подписала документ об отстранении Павла от короны³⁵. Растерявшаяся великая княгиня не посмела даже открыть Павлу этого страшного в ее глазах умысла. Но после смерти царицы Павел нашел этот документ в бумагах матери и заподозрил свою жену в предательстве.

Павел жил, как затравленный зверь, всегда готовый к гибели, но все еще не утративший надежды на власть. Чем менее было оснований для этой надежды, тем мучительнее жаждал он этого ускользающего от него самодержавия.

VII

В ночь с 4 на 5 ноября 1796 года Павлу неоднократно снился сон, который тревожил его суеверное сердце. Ему снилось, что некая незримая и сверхъестественная сила возносит его кверху, и он каждый раз просыпался в смятении. Заметив, что Мария Федоровна не спит, он рассказал ей свой сон, и она в свою очередь призналась, что и ей снится тот же самый сон несколько раз.

Перед обедом Павел рассказал за столом Плещееву и другим об этом сне, который казался ему многозначительным. Все молчали, зная странности Павла и причуды его воображения. В три часа прискакал в Гатчину граф Зубов. Он явился к Павлу бледный, испуганный и подобострастный. С Екатериной случился апоплексический удар. Предусмотрительный граф Н. И. Салтыков послал еще раньше к Павлу офицера с известием об ударе, постигшем царицу, но Зубов опередил его. В четыре часа цесаревич уже поскакал в Петербург в Зимний дворец. Здесь всем руководил Салтыков, никого не допуская к умирающей императрице, которая, впрочем, лишившись языка, едва ли могла бы сделать какие-нибудь неожиданные распоряжения.

В Петербург Павел прибыл вечером. По дороге он встретил длинную вереницу курьеров, которые мчались к нему в Гатчину: все спешили известить Павла о новой его судьбе.

В Софии он встретил Ф. В. Ростопчина и обрадовался ему. Около Чесменского дворца Павел вышел из кареты. Он еще плохо соображал смысл события. Там, в Гатчине, когда ему сообщили о неожиданном приезде графа Зубова, он был в ужасе, предполагая, что тот приехал его арестовать. До Павла в это время дошли слухи о намерении Екатерины заточить его в замке Лоде. И теперь, когда выяснилось, что Екатерина умирает, он боялся поверить этой вести, от которой зависела вся его жизнь. Была тихая, слегка морозная лунная ночь. Павел смотрел на летучие облака, которые то закрывали луну, то снова, летя куда-то, оставляли ее без покрова, нагую и таинственную.

Ростопчин увидел, что Павел плачет. Нелепый курносый нос и безумные глаза были устремлены на луну. Этот сорокадвухлетний человек вдруг почувствовал, что он жалок и ничтожен, что это лунное небо, снежный саван земли и безмолвие — все исполнено тайной мудрости, и ему, Павлу, не разгадать этой тайны никогда. Ростопчин схватил Павла за руку, забыв этикет, и пробормотал: «Государь, как важен для вас этот час!» Павел очнулся. Он вошел

в роль цесаревича, готового принять власть, и сказал что-то подходящее к случаю и торжественное. Потом они сели в карету и поехали дальше.

В Зимнем дворце Павла встретили сыновья — Александр и Константин. Они были в гатчинских мундирах, и это было приятно Павлу. Он тотчас же прошел в спальню к императрице. Грузная, распухшая, она лежала неподвижно, с помутившимися глазами. Редкие хрипы вырывались из груди старухи. Императрицу долго не могли перенести на постель, потому что не хотели пускать в спальню посторонних, а камеристки не в силах были поднять с полу это жирное, тяжелое тело.

Павел расположился в угольном кабинете рядом со спальней императрицы, и являвшиеся к нему должны были проходить через спальню, где лежало тело.

Одним из первых явился Аракчеев. Он был весь забрызган грязью, и Александр повел его к себе, дал ему свою рубашку, которую этот раб свято хранил до конца своих дней. В приемных дворца толпились гатчинцы. Изнеженные вельможи, избалованные гвардейцы шепотом перебрасывались французскими фразами, делясь впечатлениями от этих незнакомцев, которые в своих прусских мундирах, стуча огромными сапогами, расхаживали по залам как завоеватели.

На рассвете 6 ноября Павел вошел в спальню Екатерины и спросил дежурных медиков, есть ли надежда на выздоровление. Надежды не было. Самодержавная царица умирала. Ростопчин привел к Павлу графа Безбородко, который знал тайну престолонаследия. Существует рассказ, будто хитрый граф, разбирая с Павлом бумаги Екатерины, молча указал на пакет, перевязанный лентой. Через минуту пакет пылал в горящем камине. Павел стал императором. Безбородко вскоре был осыпан милостями чрезвычайно щедрыми.

Когда Павел сжигал в камине документ об отстранении его от престола, императрица еще дышала. В камер-фурьерском журнале сказано, что страдания ее величества продолжались непрерывно — «воздыхание утробы, хрипение, по временам извержение из гортани темной мокроты...». Наконец из ее горла вырвался последний вопль, и она умерла. По словам Ростопчина, все тотчас же бросились «разыгрывать безумную лотерею безумного счастья».

Крестьяне, вопреки мнению некоторых историков, отнеслись к смерти Екатерины с полным равнодушием, и немудрено: в ее эпоху крестьянская жизнь характеризуется лучше всего пословицей:

«Босоты да наготы изнавешены шесты, а холоду да голоду амбары стоят». В ее царствование крепостное право достигло пределов своего развития.

Но знать и дворяне, избалованные императрицей, искренно оплакивали покойницу. Им казалось чудовищным, что Павел, не щадя ее памяти, повелел извлечь из могилы останки Петра III и перенести их из Александро-Невского монастыря в соборную Петропавловскую церковь. Из ветхого гроба было вынуто тело некогда бесславно умерщвленного царя и положено в новый, богатый гроб. Павел лобызал истлевшие кости своего родителя и приказал сделать то же своим детям. 25 ноября император короновал мертвеца. Он сам вошел в царские врата, взял с престола корону и, сначала возложив ее на себя, потом увенчал ею костяк Петра III. Вся гвардия стояла шпалерами, когда 2 декабря везли гроб из Невского монастыря в Зимний дворец, и Павел, тонко и страшно издеваясь, повелел Алексею Орлову нести за царским гробом корону задушенного им императора.

Первые распоряжения и приказы нового императора касались масонов, гонимых при Екатерине. Императрица еще дышала, а Павел уже послал фельдъегеря к удаленному от двора А. Б. Куракину. Немедленно, приняв власть, Павел отдал приказ об освобождении Новикова из крепости. С И. В. Лопухина был снят надзор. Н. Н. Трубецкой и И. П. Тургенев вернулись в столицу. Возвращен был из Сибири Радищев. Князь Н. В. Репнин произведен был в фельдмаршалы на третий день по воцарении Павла.

Павел, по-видимому, не верил, что Французская революция подготавливалась при участии масонов. Коронованные розенкрейцеры не были, очевидно, посвящены в планы, о которых рассказал Баррюэль, если надлежит верить его рассказам. Как бы то ни было, мы не можем сомневаться в яростной ненависти Павла к якобинцам. Ему мерещились цареубийцы. Судьба Капета и его жены не давала ему спать. Ему противны были даже французские моды, и он поспешил запретить круглые шляпы и фраки. Градоначальник Архаров, как будто желая выставить Павла в смешном виде, отрядил двести полицейских чинов, которые в Петербурге срывали с прохожих якобинское платье. Приказано было всем, даже дамам, выходить из экипажа при встрече с императором, и это наводило ужас на все население столицы. На первом плане у нового самодержца был вахтпарад.

Все эти анекдоты тщательно записывали мемуаристы, почти все, впрочем, так или иначе обиженные новым властелином. Началось четырехлетнее царствование Павла.

Авторы воспоминаний и дневников записывали то, что они видели и слышали, но они руководствовались при этом своими симпатиями и враждой. Когда перечитываешь эти длинные обвинительные акты, предъявленные Павлу его современниками, изумляешься жестоким причудам самодержца. Но жизнь государства не зависит от одного человека, даже облеченного неограниченной властью. Мнимый самодержец подчинялся фатальному ходу событий, не замечая, что судьба играет им, как он в детстве играл мячом. Тысячи незримых сил влияли на Павла, и он тщетно пытался уверить себя, что он управляет народом самодержавно. От его прихотей зависели иногда те или другие лица, но общий поток жизни он не в силах был остановить или произвольно направить по другому руслу.

Павел верил, что он, самодержец, не связан ни с какой партией, ни с каким сословием. Вопреки екатерининской традиции, он не опирался на дворянство и гвардию. По его представлению, все сословия равны. Нет привилегированных. Он однажды сказал: «В России велик только тот, с кем я говорю, и только пока я с ним говорю». Павел успел лишить дворян некоторых их правовых преимуществ. При нем местное дворянское самоуправление подверглось стеснениям. Зато было приостановлено дальнейшее развитие крепостного права и даже сделана попытка его ослабить. Барщина была ограничена тремя днями в неделю. Это было первое умаление помещичьих прав, важное принципиально, но не имевшее практических последствий. При Павле было запрещено продавать дворовых людей и крестьян без земли с молотка. Однако сам Павел успел раздать немало крестьян своим любимцам, полагая, что частновладельческим крестьянам легче живется, чем крестьянам государственным. Его внешняя политика всецело зависела от сложных международных отношений. Ему приходилось иногда жертвовать своим самолюбием, подчиняясь требованиям обстоятельств. Он делал вид, что он сам желает и может направлять государственный корабль по определенному пути. На самом деле корабль плыл по воле непонятных сил.

Павел хотел вести политику невмешательства в дела Европы, но он был вынужден вступить в 1799 году в коалицию Англии, Австрии, Турции и Неаполя против Франции. Он не любил Суворова, и он был вынужден призвать гениального полководца для борьбы с французами.

При восшествии на престол Павел тотчас же обнаружил свое нерасположение к герою екатерининских войн. Суворов был во-

дворен в своем нижегородском имении, и к нему был приставлен для надзора какой-то коллежский советник. В феврале 1798 года Павел вызвал Суворова в Петербург, желая, очевидно, с ним примириться, но из этого ничего доброго не вышло... Строптивый старик не спешил явиться к государю: он поехал на долгих³⁶, проселочными дорогами. Наконец состоялось его свидание с императором. Тщетно Павел намекал ему, что он не прочь воспользоваться его военными талантами. Суворов рассказывал про Измаил и Прагу, делая вид, что он не понимает сделанных ему предложений. На вахтпараде шутил и чудил, хотя Павел старался обратить его внимание на введенную им дисциплину. Суворов сказал генералам: «Не могу, брюхо болит» — и уехал, пренебрегая этикетом. Он явно издевался над новым обмундированием. Кривлялся на глазах Павла, застрял в каретной дверце, уверяя, что ему мешает шпага, прикрепленная на прусский манер. Не умея будто бы справиться с плоской шляпой, он ее уронил к ногам императора. Бегал и суетился между взводами, проходившими церемониальным маршем, вызывая мрачный гнев Павла. Наконец фельдмаршал получил разрешение снова покинуть столицу.

Ровно через год, однако, Павел по настоянию союзного венского кабинета вызвал Суворова из деревни, дабы поручить ему руководство армией. Генерал-фельдмаршалу Суворову объявлены были разные милости и между прочим сам Павел возложил на него с подобающей церемонией большой крест святого Иоанна Иерусалимского. Немедленно Суворов отправился на театр военных действий.

Начались изумительные походы. Суворов в три месяца очистил всю Северную Италию от французских войск. Битва на реке Адде и трехдневная битва на берегах Требии вписаны в военную историю золотыми буквами. Несмотря на австрийское предательство, Суворов, вступивший в Швейцарию, разбил французов у Сен-Готарда, удивляя Европу своей неожиданной тактикой и стратегией.

Недовольный Австрией и Англией, Павел был вынужден порвать с коалицией. У него завязались переговоры с Наполеоном, которому он писал собственноручно, забыв, что он якобинец и узурпатор. В 1800 году Павел отозвал нашего посла из Лондона, негодуя на небрежное и даже коварное отношение англичан к нашему корпусу, который действовал против французов в Голландии. Павел уже намерен был, по соглашению с Наполеоном, сделать военную демонстрацию против Великобрита-

нии, угрожая ее владениям в Индии. Донское казачье войско двинулось к Оренбургу. Многим этот поход казался прихотью самодержавного безумца.

VIII

Еще в 1785 году, когда Павел был престолонаследником и, однако, жил в опале, окруженный врагами, опасаясь всех и больше всего своей матери, его внимание привлекла к себе фрейлина его супруги Екатерина Ивановна Нелидова. Ей было тогда двадцать шесть лет, а Павлу тридцать. Нелидова была некрасива, однако еще на выпускном экзамене в Смольном она обратила на себя внимание многих своими способностями, остроумием, живостью характера и грацией в танцах. Екатерина поручила даже Левицкому написать ее во весь рост, танцующей менуэт. По знаменитому портрету и по другим, нам известным, легко себе представить эту прелестную дурнушку с японским разрезом глаз, с иронической и вместе нежной улыбкой на губах. В эту крошечную женщину с маленькими ножками влюбился будущий император. У Марии Федоровны, этой красивой дамы с пышным станом, неглупой, образованной, добродетельной и набожной, явилась неожиданная соперница, смутившая семейное счастье великокняжеской четы. Мария Федоровна, плача, жаловалась даже Екатерине на увлечение Павла. Она, Мария Федоровна, знает, что отношения ее мужа к этой «маленькой» носят платонический характер, но неизвестно, чем все кончится. Многоопытная любовница Екатерина подвела великую княгиню к зеркалу и сказала: «Посмотри на себя. Может ли с такой красавицей соперничать эта смешная дурнушка!» Но Мария Федоровна долго не могла успокоиться.

Уезжая на театр военных действий, на север, Павел оставил Нелидовой записку: «Знайте, что, умирая, я буду думать о вас». Эта нежная дружба, не омраченная грубой чувственностью, продолжалась четырнадцать лет. Несколько раз, тяготясь ревностью Марии Федоровны и сплетнями придворных интриганов, Нелидова удалялась от двора к себе, в Смольный, но эти разлуки продолжались недолго, потому что цесаревич скучал без своего крошечного друга. Тайна этой нежной связи была не только в том, что Павел восхищался остроумием и живостью характера Нелидовой, но и в том, что эта женщина полюбила его, Павла, бескорыстно и самоотверженно. Нелидова прекрасно видела все недостатки и пороки этого сумасбродного принца, но именно эта зоркая любовь,

требовательная и откровенная, внушала Павлу доверие к его маленькой возлюбленной. Он пленен был ею, как женщиной, которая сумела сохранить свою власть над ним, не делая уступки его страсти. Сознавая свою силу, она нисколько не боялась Павла, этого, по представлению многих, ужасного тирана. Однажды, когда Павел был уже императором, дежурный во дворце гвардейский офицер видел, как отворилась дверь из апартаментов фрейлины и оттуда поспешно вышел грозный император, а над его головой пролетел женский башмачок, упавший к ногам гвардейца³⁷. Через минуту вышла Нелидова и совершенно спокойно подняла утраченную ею в пылу гнева обувь.

Но несмотря на подобные сцены, целомудренная связь Нелидовой и Павла никогда не была нарушена, хотя придворные сластолюбцы спешили истолковать эту связь весьма цинично.

Когда в 1790 году Павел серьезно заболел и думал о близкой смерти, он написал Екатерине такое письмо: «Мне надлежит совершить перед вами, государыня, торжественный акт, как перед царицей моей и матерью, акт, предписываемый мне моею совестью перед богом и людьми: мне надлежит оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, из-за меня. Я видел, как злоба выставляла себя судьей и хотела дать ложные толкования связи, исключительно дружеской, возникшей между m-lle Нелидовой и мною. Относительно этой связи клянусь тем судилищем, перед которым мы все должны явиться, что мы предстанем пред ним с совестью, свободной от всякого упрека как за себя, так и за других. Зачем я не могу засвидетельствовать этого ценою своей крови! Свидетельствую о том, прощаясь с жизнью. Клянусь еще раз всем, что есть священного. Клянусь торжественно и свидетельствую, что нас соединяла дружба священная и нежная, но невинная и чистая. Свидетель тому бог».

Легко представить себе физиономию коронованной блудницы, когда она читала это послание Павла. Этот вопль безумного сердца казался ей сентиментальной глупостью, и, вероятно, в ее голове уже складывалась какая-нибудь новая комедия с каким-нибудь заглавием, казавшимся ей остроумным, — «Опекун девства» или что-нибудь в этом роде. В ее сознании не вмещался этот рыцарский бред. Ей казалось противоестественным просиживать целыми часами с своей возлюбленной в беседе о Паскале или о Фоме Кемпийском, не смея коснуться ее руки. Она, смеясь, вспомнила, вероятно, длинную вереницу своих бравых любовников, которые не тратили времени на пустяки. И при этом Павел Петрович вовсе

не был больным и бессильным человеком. Он успел народить многочисленное потомство, здоровое физически, и вообще был мужем, на которого не жаловалась Мария Федоровна, вовсе не склонная к аскетизму.

Нелидова оказывала влияние на Павла, но у нее не было никакой государственной программы, она, как любящая женщина, хотела охранять Павла от неосторожных и сумасбродных поступков, когда дело шло об отдельных людях или о каких-нибудь дворцовых и придворных делах, но она не могла противопоставить политическим идеям Павла ничего самостоятельного. Романтизм Павла даже импонировал этой чувствительной смольнянке.

Мария Федоровна наконец сообразила, что вовсе неразумно бороться ей с Нелидовой. Фаворитка Павла охотно пошла навстречу жене, потерявшей свои супружеские прерогативы. Обе женщины, искренно любившие Павла, заключили союз, стараясь оградить его от его подозрительной мнительности, похожей на манию преследования. Нелидова являлась постоянной ходатайницей за опальных. Ее способ воздействия на императора мог иногда показаться забавным. Пользуясь правами на известную фамильярность, она, чувствуя, что Павел готов наговорить гневные и несправедливые слова, дергала его за мундир, и это напоминало безумцу о необходимости сдерживать свои порывы.

Но влиянию Нелидовой положен был предел. Ее близость к Марии Федоровне, по-видимому, не нравилась Павлу. Нравственная связь с женой у него была порвана после того, как он узнал, что Екатерина хотела ее привлечь к делу устранения его, Павла, от престола. Нашлись клеветники, которые внушали мнительному императору, что Мария Федоровна не чужда честолюбия. К этому времени и супружеские отношения между ними были прерваны: врачи запретили государыне поддерживать близость с мужем, уверяя, что возможная беременность будет для нее на сей раз смертельна.

Павел, привыкший к женской любви, тяготился одиночеством. Придворные интриганы старались использовать его слабость. На коронационных торжествах ему указали на девятнадцатилетнюю Анну Петровну Лопухину, будто бы в него влюбленную. На ее портрете, написанном Боровиковским, она представлена красавицей брюнеткой. В ней не было, по-видимому, тонкого и острого очарования, какое было в Нелидовой. Это была, вероятно, страстная женщина, хотя, быть может, с несколько томной и сонной чувственностью, которая пробуждается не сразу, но, пробудившись, владеет сердцем до конца.

Сводником явился бывший брадобрей императора граф Кутайсов, который договорился с отцом красавицы сенатором Лопухиным, и все семейство переехало в Петербург в угоду сентиментальному и чувственному царю.

На этот раз Павел не был расположен к платоническим отношениям, и черноглазая красавица разбудила в нем страсть. Когда однажды его ухаживания стали слишком настойчивы, она расплакалась. Смущенный Павел спросил о причине этих слез, и Лопухина призналась ему, что у нее есть жених, князь П. Г. Гагарин, находившийся в то время в армии Суворова. Павел, как рыцарь, немедленно предписал Суворову прислать под каким-нибудь предлогом Гагарина в Петербург. Князь приехал, привезя известие об очередной победе Суворова. Свадьба Гагарина и Анны Петровны Лопухиной была отпразднована при дворе с необыкновенной пышностью. Впрочем, рыцарские чувства Павла были непрочны. И Гагарин, по-видимому, не слишком был чувствителен к своей чести супруга. Красавица сделалась любовницей Павла незадолго до его смерти. Ей были отведены апартаменты во дворце.

IX

Трудно быть императором! Страшно быть самодержцем! Павлу хотелось иногда забыть о том, что он повелитель миллионов и что нет над ним никакой власти. Но как забыть! Вот разве пойти к княгине Гагариной, которая проста, слишком проста, и, кажется, не в силах уразуметь, что с нею делит ложе тот, кого сам бог помазал на царство. Для нее Павел всего лишь возлюбленный и, к несчастью, чужой муж. Она его целует, а сама плачет, потому что он прелюбодей и она — прелюбодейка. Об этом она думает, а вот о том, что Павел ответит за судьбу России, она не размышляет вовсе. Об этом он думает один. И не с кем ему поделиться мыслями. В сущности, у самодержца и не может быть друга. Эти мысли сводили с ума императора. Самодержавие он понимал буквально. Он думал, что может управлять государством один. Он стоит в центре, и от него по радиусам исходят повеления. Начальники всяческих коллегий исполняют его волю. Их помощники передают дальше, в низшие инстанции, все, что повелевают им свыше. При этом надо все делать незамедлительно. Скорей, скорей! Пусть мир узнает, как плодотворно самодержавие. Нельзя терять ни одного мгновения. Надо ввести поэтому железную дисциплину. Он так и сказал однажды: «Надо управлять железной лозой». После вахтпарада —

эзекуции для зевак и лентяев. Солдаты роптали на эти порядки, но все-таки мирились с ними. Было утешение — хорошо кормили, одевали и, главное, — вся тяжесть дисциплины падала на офицеров. Это они — «потемкинцы», «якобинцы» — виноваты во всем. С них, екатерининских баловней, надо взыскивать прежде всего. Введено было своеобразное равенство — равенство бесправия.

Чем дальше от престола, тем спокойнее жилось российским гражданам. Император был беспощаден, если узнавал о злоупотреблениях власти. Боялись брать взятки. Судебная волокита стала легче. Грабеж населения чиновниками ослабел. Но столичные жители, особенно те, кто был причастен двору и гвардии, жили в непрестанном страхе строгого взыскания. Страна принадлежала ему, императору. Высшая сила поручила ему опекать Россию, и он, как отец, устанавливал порядок, мораль и быт. Никто не смел одеваться по своему вкусу, принимать гостей позднее известного часа; на улицах по ночам стояли пикеты полицейских, которые проверяли виды на жительство, город был как в осаде; цензура была дикая. Одно время ввоз иностранных книг был запрещен вовсе. Мимо дворца надо было проходить без шляпы, и обыватели бежали рысью по площади, когда зимний ветер леденил беззащитные головы. Во всех этих полицейских мерах виноваты были не менее Павла не по разуму ревностные исполнители царской воли. А иногда совершалось кое-что и против воли императора. Павел был противником смертной казни, однако на Дону казнен был полковник Грузинов, преданный Павлу. Об этом постарался, кажется, граф Пален; были кошмарные случаи и в самом Петербурге. Так, например, лейтенант Акимов за эпиграмму на построение Исаакиевского собора сослан был в Сибирь³⁸, причем ему предварительно отрезали язык. Пастор Зейдер за то, что он держал у себя в библиотеке какие-то неразрешенные книги, был наказан кнутом. Некий штабс-капитан Кирпичников в мае 1800 года прогнан был через строй, и ему дали тысячу ударов шпицрутенами³⁹. Впрочем, при оценке этих фактов надо принимать во внимание нравы эпохи и вообще историческую перспективу. Шпицрутены были и до Павла, и после него. Шпицрутены были и при «просвещенном абсолютизме» Фридриха Великого. Да и вообще власть имущие делали политику на Западе не в белых перчатках. Безумный император был не хуже иных здравомыслящих королей.

Вводя гатчинский порядок в гвардию, Павел беспощадно удалял неисправных офицеров, иногда отправлял их в ссылку прямо с парада. Офицеры шли на военные смотры, беря с собой

деньги на случай внезапного ареста. От репрессий Павла пострадало несколько тысяч человек. В рассказах о режиме Павла были и тенденциозные преувеличения, например знаменитый анекдот о ссылке целого полка, который будто бы был отправлен в Сибирь прямо с военного парада. Но и без этих анекдотов павловское время не было похоже на счастливую пастораль, несмотря на сантименты государя и его возлюбленных.

Жить было страшно при Павле, но и самому Павлу страшно было жить. Восемь лет тому назад в Париже отрубили голову Людовику XVI. Павлу снится эта окровавленная голова. И это страшно. В самом деле, какая странная привилегия у королей: они всегда первые кандидаты на казнь. Только на долю счастливцев выпадает казнь публичная и торжественная. Чаще их убивают где-нибудь тайно, и они умирают мучительно, без покаяния... Что делать? Кто поймет страдания его, Павла? Прежде у него не было друга более близкого, чем жена, Мария Федоровна. Но теперь он знает, что эта женщина утаила от него намерение Екатерины лишить его престола. Не мечтает ли и она, как покойная императрица, завладеть короной мужа? Граф Пален, этот проницательный, слишком даже проницательный человек, намекал на это дважды. Его, Павла, могут отравить. Эти женские нежные руки как будто предназначены для того, чтобы вливать яд в стакан с вином. Хорошо, что теперь у него стряпуха англичанка, которой, кажется, можно довериться. Надо быть осторожным, однако. А сыновья? Нежный Александр и буйный Константин? Они — почтительны. Но он, Павел, помнит, как Саша еще отроком любил щеголять, прицепив к мундирчику трехцветную кокарду. Якобинец! Легкомысленная бабушка внушила своему любимцу безбожие, неуважение к авторитету, нелепые идеи о какой-то мнимой свободе... И почему знать, не честолюбив ли этот скромник. Не таится ли в душе этого вольнодумца развратная и подлая мысль об овладении престолом. Ведь именно этого хотела Екатерина.

А эти пьяные, распутные, наглые, избалованные гвардейские офицеры, которые привыкли смотреть на государей, как на своих ставленников? Разве можно быть уверенным в их преданности взыскательному и строгому императору? А близкие к царю вельможи, которые до сих пор не научились носить мундира по-гатчински и не забыли привилегий, которыми щедро их оделяла расточительная царица? Каждый из них ненавидит Павла. Лицемеры! И есть еще одна ужасная мысль. Они все думают, что он, Павел, сумасшедший. Когда к Зимнему дворцу по его приказу прибили ящик, куда

всякий мог класть прошения на имя самого императора, и Павел собственноручно разбирал эти жалобы простецов, что находил он там, в этом ужасном ящике? Не находил ли он там рядом с воплями о поруганной справедливости карикатуры на самого себя? Не там ли он нашел ряд жестоких писем, где его называли безумным тираном, жалким идиотом, презренным чухонцем, намекая на то, что он вовсе не сын Петра III, что он незаконнорожденный, что он даже не сын Екатерины, а какой-то неведомый, подмененный кем-то в час рождения? Разве это не страшный кошмар? Так ведь, пожалуй, и в самом деле сойдешь с ума! И странно: все, что ему, Павлу, кажется прекрасным и мудрым, добродетельным и благородным, вызывает двусмысленные улыбки у этой придворной черни, которая толпится вокруг трона и втихомолку смеется над монархом. Он, Павел, в 1798 году возложил на себя корону и регалии великого магистра Мальтийского ордена. Само провидение внушило ему взять под свое покровительство рыцарей Иоанна Иерусалимского. С тех пор как Мальтой овладели французские якобинцы, не прилично ли русскому самодержцу соединиться с верными защитниками христианства и рыцарских традиций? Но над ним все смеются. Даже аббат Жоржель иронизирует по поводу того, что русский император, явный схизматик⁴⁰, оказался вдруг магистром ордена, который признает папу главой церкви. Однако иезуитский патер Грубер понимает сердце монарха. Они вместе обдумали великий план для борьбы с революцией. Сам Пий VII извещал через своих агентов русского венценосца, что он не прочь заключить с ним союз дружбы и духовного единения. Какие всемирные перспективы! Какой гениальный замысел! Но кругом жалкие глупцы, которые ничего не понимают в великих идеях. Кроме того, эти люди завидуют ему... Они не могут простить ему его духовной высоты. Они готовят ему месть. Они убьют его.

Х

Михайловский замок стоит в нашей северной столице особняком, как Эскуриал в Мадриде; по стилю подобных ему зданий нет, но от него, однако, веет своеобразной и мрачной прелестью. Зодчий-масон Баженов сочинил план замка. Разработал этот план и воздвиг желанный Павлу дворец архитектор Бренна. Сам император влиял на труды зодчих. Это здание проникнуто его меланхолией. Странное барокко исполнено неожиданной силы и суровой красоты. Замок был отделен от города лугом и рвами. Император

торопил художников и мастеров. Ему надо было приготовить себе великолепную усыпальницу.

В замке был мрачный лабиринт зал, и лишь в конце этих пышных комнат находился кабинет и спальня императора. Здесь стояла статуя безбожника Фридриха II, а над узкой походной кроватью висел сентиментальный ангел Гвидо Рени. Все прочее было сухо и строго в этой келье. Роскошен был только письменный стол, который покоился на ионических колонках из слоновой кости, с бронзовыми цоколями и капителями. В спальне было несколько дверей. Одна, вскоре запертая Павлом наглухо, вела в покои императрицы. Была и потаенная дверь, ведущая вниз по винтовой лестнице в покои царской любовницы Гагариной.

Еще не просохли стены, когда император повелел двору переехать в полюбившийся ему дворец. «Ничто не могло быть вреднее для здоровья, как это жилище, — рассказывает Коцебу в своем описании дворца. — Повсюду видны были следы сырости, и в зале, в которой висели большие исторические картины, я видел своими глазами, несмотря на постоянный огонь в двух каминах, полосы льда в дюйм толщиной и шириной в несколько ладоней, тянувшиеся сверху донизу по углам». Темные лестницы и жуткие коридоры, в которых постоянно горели лампы, придавали дворцу вид страшный и таинственный. В нем легко было заблудиться. На площадках дул непонятный ледяной ветер. Везде были сквозняки. И двери хлопали неожиданно, наводя ужас.

1 февраля императорская фамилия переехала в Михайловский замок, а на другой день был маскарад. Приглашено было три тысячи человек. Гости робко бродили по залам, пораженные необычностью обстановки, но трудно было оценить роскошь и великолепие убранства, потому что от холода, сырости и дымных печей все залы были наполнены синим туманом, и несмотря на множество свечей, люди возникали из полумрака, похожие на привидения.

Император держал себя странно, пугая придворных неожиданностью своих заявлений. Впрочем, казалось иногда, что он сам худо понимает то, что происходит вокруг него. Кто он в самом деле? Самодержец или игрушка невидимых и враждебных сил? Главное — одиночество, томительное и ужасное. Некому верить. Все враги. Пришлось удалить в Москву Никиту Петровича Панина, который был когда-то близок ему. Разве мог он не удалить его, когда он слышал собственными ушами, как этот человек в разговоре с сыном Александром употребил слово «регентство»? Правда, он больше ничего не слышал. Но о каком регентстве шла тогда речь?

Они считают Павла сумасшедшим, они хотят заключить его в крепость, они хотят объявить регентство! И этот кроткий вольнодумец Александр, баловень бабушки, с грустной улыбкой заточит его, Павла, в каземат. Дружба этого Панина с английским послом Виртвортом более чем подозрительна. Он даже явно стремился противодействовать политике императора, отказавшегося от союза с Великобританией. Этот человек не понял великой идеи Первого Консула, который сказал, что Россия и Франция созданы для того, чтобы управлять Европой. Жалкий, прозаический ум дипломата Панина не оценил гения Бонапарта. Но Павел протянет руку этому необыкновенному якобинцу, ибо дело идет на сей раз о чудотворном умиротворении всей Европы. Они поделят мир — Бонапарт и Павел. Они, как братья, будут управлять земным шаром. И граф Панин был выслан из Петербурга.

Как жаль, что пришлось выслать также Аракчеева, этого верного раба. Жаль, очень жаль! Этот верный пес готов разорвать всякого, кто приблизится с враждебной целью к чертогам императора. Но все-таки пришлось выслать Аракчеева: он провинился по службе, старался спасти своего негодного родственника и свалил вину на другого, невинного. И Аракчеев сидел у себя в Грузине, не смея просить о помиловании. А как нужен сейчас этот верный раб!

Вот кто мил сердцу Павла — это юный принц Вюртембергский Евгений, который гостит в Петербурге. Издеваясь над законным наследником престола, Павел уже несколько раз говорил, что он, император, возведет юношу на такую высоту, которая удивит мир. Павел не знал, что его любовница Гагарина, не решавшаяся говорить ему о грозящей опасности, предупреждала об этом юного Вюртембергского принца. Она даже предложила ему укрыться у нее, Гагариной, если наступят страшные события. И немудрено, что Гагарина догадывалась о возможном перевороте. Любовник ее матери был в числе заговорщиков.

Весь Петербург знал, что существует заговор. Надо было выбрать человека умного, сильного, тонкого, смелого, находчивого и вручить ему власть для обеспечения государства и трона. Павел выбрал для этого графа Палена.

В руках графа Палена были сосредоточены решительно все нити государственного управления, а главное, ему был подчинен петербургский гарнизон и государственная почта. Он перлюстрировал письма. Он был вездесущ и всевластен. Заговор не мог бы осуществиться, если б он того не захотел. Но он захотел. Он помнил, как четыре года тому назад Павел послал ему выговор,

именуя его действия подлостью. И он понимал, что нет никаких гарантий от новых оскорблений в какой либо иной мрачный час. И он стал во главе заговора. К заговору присоединились многие, в том числе Орлов, Чичерин, Татаринов, князь Голицын, Талызин, Мансуров, Уваров, князь Яшвиль, Бенигсен, братья Зубовы.

Но этого было мало. Нужен был Александр. С ним уже вел переговоры Н. П. Панин, когда он еще не был выслан. Хитрец уверял его, что дело идет о регентстве. Ведь управлял же Великобританией принц Уэльский, когда заболел Георг III; ведь было же регентство в Дании при Христиане VII. Россия гибнет, ибо государь заболел душевно. И Александр поверил.

В качестве регента он предоставит отцу его любимый Михайловский замок. Павел не почувствует заточения. Там можно будет устроить гипподром. Он будет кататься верхом по парку. В театре для его развлечения будут даваться спектакли. В его распоряжении будет прекрасная библиотека... Сам бы Александр согласился на такое уединение.

Утром 7 марта в кабинет Павла вошел с рапортом о положении столицы граф Пален. Император рассеянно слушал доклад. Потом он спросил:

— Господин Пален, где вы были в 1762 году?

— Я был в Петербурге, государь.

— Итак, вы были здесь?

— Да, государь. Но что вы хотите сказать, ваше величество?

— Вы участвовали в революции, когда моего отца лишили трона и жизни?

— Я был, государь, только свидетелем, но сам не действовал. Я был очень молод. Я служил в гвардии унтер-офицером... Но почему вы задаете мне этот вопрос, ваше величество?

— Почему? Да потому, что хотят повторить 1762 год...

И глаза Палена встретились с глазами императора.

— Да, государь, этого хотят... И я сам в заговоре.

Павел удивился, но, кажется, не очень. Все было так странно и безумно, что еще что-то новое, непонятное и страшное не слишком поразило воображение Павла. Может быть, так надо, чтобы заговорщики вдруг сообщали откровенно своей жертве с намерением ее убить. Однако Павел решился спросить:

— Вы в заговоре тоже? Что это значит, господин Пален?

Пален обстоятельно стал объяснять угрюмому императору, что он, Пален, сосредоточил в своих руках все нити заговора и скоро

все разоблачит и всех арестует. Пусть только император не мешает ему исполнить задуманный план.

Павел смотрел на вельможного провокатора и думал о том, что негодяя надо арестовать прежде всех. Он, Павел, знает, кто сумеет арестовать этого всемогущего царедворца. Такой человек есть. Это — Аракчеев. Надо послать ему письмо с повелением немедленно ехать в столицу. Павел не знал, что письмо будет перлюстрировано Паленом, что будет отдан приказ задержать Аракчеева у заставы.

— Ступайте, господин Пален, и будьте ко всему готовы.

Когда граф ушел, Павел со страхом оглядел свой кабинет. Дверь к императрице наглухо заперта. Эта изменница не ворвется к нему с кинжалом. У других дверей верные гайдуки. Во дворе кордегардия. Везде караулы. Надежны ли эти караулы? Неизвестно, что у них в головах, у этих якобинцев. На днях он зашел к сыну Александру. Цесаревич читал вольтеровского «Брута»⁴¹. Ага! Вольтерьянец! Ага! Якобинец! Тебе нравится, что цезарь убит. Ты забыл, негодный, участь царевича Алексея Петровича. Не всегда убивают цезарей. Иногда убивают и непокорных, восставших против помазанников божьих! В воскресенье 10 марта в замке был концерт. Павел был рассеян и мрачен. Все безмолвствовали, не смея поднять головы. Перед выходом к вечернему чаю распахнулись двери, появился Павел, подошел, тяжело дыша, к императрице, остановился перед нею, скрестив руки и насмешливо улыбаясь; потом с той же гримасой он подошел к Александру и Константину. За чаем была гробовая тишина. Потом император удалился, не прощаясь.

Даже на улицах Петербурга было мрачно и жутко. Все принимали друг друга за шпионов. Разговаривали шепотом. После пробития зори, в 9 часов вечера, по большим улицам ставились рогатки и пропускались только врачи и повивальные бабки.

За несколько дней до события Павел катался верхом по парку. Погода была туманная. Солнце уже давно не заглядывало в Петербург. Вдруг Павел обернулся к сопровождавшему его обершталмейстеру Муханову и стал жаловаться на удушье.

— Как будто меня кто-то душит, — сказал император, — я едва перевожу дух. Мне кажется, я сейчас умру.

— Это от сырой погоды, — сказал Муханов, почему-то дрожа. — Это, государь, иногда бывает, когда туман...

Утром 11 марта патер Грубер, единственный человек, который входил к императору без доклада, принес свой проект о соединении

церквей. Это была последняя редакция, которую Павел должен был утвердить. Граф Пален загородил дорогу патеру и властно потребовал, чтобы он подождал. Войдя в кабинет к Павлу, он так утомил Павла длиннейшими докладами, что тот отложил свидание с иезуитом. Надо было ехать на развод. Соединение церквей пришлось отсрочить надолго.

В этот день Александр и Константин вторично приносили присягу императору. Они были под арестом и не знали своей дальнейшей судьбы. Однако к вечеру их пригласили к императорскому столу. Павел развеселился. Он громко говорил и шутил. Он несколько раз заговаривал с сыном Александром. А тот сидел, бледный и молчаливый, опустив глаза вниз.

Взглянув в зеркало, император сказал Кутузову:

— Какое смешное зеркало. Я себя вижу в нем с шеей на сторону.

После ужина вместо обычного приветствия Павел неожиданно сказал:

— Чему быть, того не миновать!

Вечером 11 марта состоялось последнее собрание заговорщиков. Пален и Бенигсен, руководившие собранием, были трезвы и знали, что делают. Но они охотно угощали вином гвардейцев. Шампанское рекой лилось на этой мрачной попойке. Предполагалось, что тиран подпишет отречение от престола. Кто-то сочинял даже конституционные «пункты». Но этим не очень интересовались. Надеялись, что легко будет поладить с молоденьким Александром. Кажется, не все понимали, что, собственно, готовится. Объединяла ненависть к самовластному императору, который посмел сказать, что в России тот вельможа, с кем он, Павел, разговаривает и пока он с ним разговаривает. В чаду попойки какой-то молодой человек вдруг громко спросил: «А что делать, если тиран окажет сопротивление?» Пален тотчас же ответил французской пословицей: «Когда хочешь приготовить омлет, надо разбить яйца». Все засмеялись, впрочем, не очень весело. И снова захлопали пробки от шампанского.

Командиры Семеновского и кавалергардского полков привели своих солдат. Талызин привел батальон преображенцев. Солдаты не знали точно, куда и зачем их ведут, но догадаться не так уж было трудно.

Пален предложил разделиться на два отряда и с двух сторон подойти к замку. Одним отрядом командовали Бенигсен и Зубов, другим — сам Пален.

Ночь была холодная. Моросил дождь. Когда заговорщики вошли в Летний сад, сотни ворон поднялись со старых лип, оглашая туманную ночь зловещим карканьем.

Гвардейцы остановились, страшась идти дальше. Зубов пристыдил солдат. Они-де идут защищать цесаревича Александра, которому грозит беда. Александра любили солдаты за кроткий характер. Отряд двинулся дальше. Перешли замерзшие рвы.

Преображенский адъютант, состоявший в охране замка, без труда провел заговорщиков. Когда они очутились перед покоями императора, дежурные гайдуки-гусары попробовали не пустить ворвавшуюся банду. Одного из них ранили, другой убежал и поднял тревогу. Солдаты на карауле заволновались, но офицер-заговорщик пригрозил шпагой, и восторжествовала павловская дисциплина: солдаты повиновались командиру. Пока отряд шел по коридорам и лестницам замка, некоторые из-заговорщиков отстали и заблудились в дворцовом лабиринте. Немногие ворвались в спальню императора. Тут были Платон и Николай Зубовы и Бенигсен. Пален со своим отрядом куда-то исчез. Это промедление, хитрое и коварное, было, разумеется, не случайно.

Когда заговорщики вошли в царскую спальню, Платон Зубов бросился к кровати. Она была пуста. Все озирались, недоумевая. Кто-то подошел к ширме и отодвинул ее. За нею стоял босой, в ночной рубашке, император. Блестящие и страшные глаза были устремлены на этих непонятных ему теперь людей, в орденах и лентах, со шпагами в руках. Бенигсен сказал, стараясь не смотреть на белое, как у Пьеро, лицо Павла:

— Государь, вы перестали царствовать. Александр — император. По его приказу мы вас арестуем.

В это время ворвалась в спальню новая толпа отставших офицеров. Пока Павел стоял недвижно, никто не смел его коснуться. Один из братьев Зубовых, совсем пьяный, решился заговорить с ним. Заплетающимся языком он стал упрекать в чем-то Павла, называя его тираном. Павел, перебив его, вдруг заговорил:

— Что вы делаете? За что?

Его голос, раздражавший их, знакомый голос, к которому офицеры привыкли на вахтпарадах, тотчас же пробудил у всех страсти. Толкая друг друга, офицеры окружили императора. Кто-то коснулся его руки. Павел брезгливо ее оттолкнул. Это было началом конца. Николай Зубов ударил императора в висок тяжелой табакеркой. Павел бросился в угол, ища оружие. На него зверски набросился пьяный князь Яшвиль. Павел закричал, защищаясь.

Тогда все, в кошмаре хмеля, опрокинули императора на пол. Кто-то схватил шарф и, накинув петлю, затянул ее на шею самодержца. Бенигсен подошел к Павлу, когда он уже не дышал. Император лежал неподвижно, с изуродованным и окровавленным лицом.

Когда весть о смерти императора Павла разнеслась по городу, обывательская жизнь мгновенно изменилась. Сняты были рогатки повсюду; появились кавалеры в запрещенных круглых шляпах и жилетах; пышные выезды цугом с гайдуками загремели по улицам. Знать и дворяне ликовали. Все почувствовали, что ожил потемкинский и екатерининский дух, ненавистный убитому императору.

Мемуаристы пишут, что ликовали все сословия и классы. На самом деле это было не так. Ликовали привилегированные. Народная, крестьянская масса была равнодушна к смерти Павла. Мужикам при Павле жилось так же трудно, как и при Екатерине, как впоследствии при Александре и Николае. Мужикам жилось худо, но не хуже, чем до Павла или после него. Час крестьянской России еще не пробил. На сцене истории господствовало дворянство. Это они, дворяне, оставили нам свои пристрастные записки об императоре. Крестьяне тогда еще не писали своих дневников, и мы знаем их мнения лишь по случайным рассказам и живому преданию.

Мы знаем, что крепостные возлагали на царя особые надежды, оказавшиеся, правда, тщетными. Мужики поняли, что Павел не расположен к дворянству. Это давало повод рассчитывать на изменение крепостной зависимости, но расчеты эти оказались неверными.

Отказавшись от екатерининской политики по отношению к привилегированным, Павел не посмел или не успел опереться на крестьян. Лично он старался проявить к ним благожелательность, о чем свидетельствуют многочисленные документы, но это «народолюбие» Павла не шло дальше частных случаев. Он принимал меры во время голода, отправляя в голодающие губернии сенаторов «насытить голодных»; он делал попытки к оздоровлению сельского населения, посылая на места врачей; он неоднократно разрешал в пользу крестьян дела о «тиранстве» помещиков, карая насильников... Но во всех этих действиях не было единого и последовательного плана.

В народе со времен Пугачева бродила мысль о том, что Павел будет крестьянским царем. Эта идея укрепилась, когда при восшествии на престол он повелел впервые привести к присяге крестьян,

подчеркивая то, что они прежде всего граждане. Отмена рекрутского набора, объявленного Екатериной незадолго до ее смерти⁴², возбудила в мужиках новые надежды на облегчение их участи. Даже складывалась легенда о том, что государь Павел не прочь освободить крестьян, но мешают помещики. Летом 1797 года крестьянин Владимирской губернии Василий Иванов сказывал: «Вот сперва государь наш потявкал, потявкал, да и отстал, видно, что его господа переодолели». В этом выразительном замечании была доля истины. Император был бессилён совершить социальную и правовую реформу, потому что крепостное хозяйство, хотя и достигло в своем развитии предела и должно было неизбежно клониться к упадку, поддерживалось, однако, объективными экономическими и культурными условиями эпохи, тогда еще непригодными для новой формы землепользования.

За четыре года царствования Павла было издано несколько законодательных актов и указов с целью обеспечения крестьянам достаточного земельного надела, но эти попытки упорядочить крестьянскую жизнь или вовсе не осуществлялись реально или не достигали своей цели. Экономический и социальный процесс, который в конце концов, спустя шестьдесят лет, заставил правительство освободить крестьян, тогда еще только начинался.

В Петербурге однажды на разводе крепостные подали Павлу челобитную, где они требовали свободы от помещиков. Челобитчики за то, что действовали «скопом», были жестоко наказаны. Эта расправа не помешала распространяться слухам об отмене крепостного права. Были случаи возмущения и неповиновения крестьян помещикам в Вологодской, Тверской, Псковской, Новгородской, Пензенской, Орловской, Калужской и Новгород-Северской губерниях. Бунты умирались довольно легко и, за редкими исключениями, без суровых репрессий. Однажды, впрочем, для подавления мятежа пришлось послать генерал-фельдмаршала Репнина. Крестьяне во всем винили дворян, а не Павла. У них не было основания питать к нему расположение, но и для прямой ненависти он не давал повода. Равнодушие народа к смерти Павла сказалось, между прочим, устами того гвардейца, который ходил смотреть тело покойного царя, дабы убедиться, что он действительно умер. «Да, крепко умер, — сказал он. — Лучше отца Александру не быть. А, впрочем, нам что ни поп, то батька».

У народа к Павлу не было ни любви, ни ненависти. В судебных делах павловского времени встречаются, впрочем, отзывы об императоре весьма непочтительные. Мужички именовали его

то «плешивым дураком», то «курносый царишкой», то, наконец, почему-то «гузноблудом».

Правовое и хозяйственное положение крестьян при Павле почти не изменилось по сравнению с екатерининской эпохой, и естественно, что средняя крестьянская масса не почувствовала вовсе этого четырехлетнего царствования. И смерть Павла не произвела на большинство крестьян никакого впечатления.

Зато те мужики, которые склонны были к религиозным вопросам и размышляли на религиозные темы, по-своему поняли духовное лицо Павла. Несмотря на то что Павел проявил некоторую терпимость к раскольникам, их отзывы об императоре дышат гневной непримиримостью. «Тот, кто царствует, рожден не от христианской крови, а от антихриста», «царь Павел — настоящий дьявол», «император наш воистину антихрист»...

